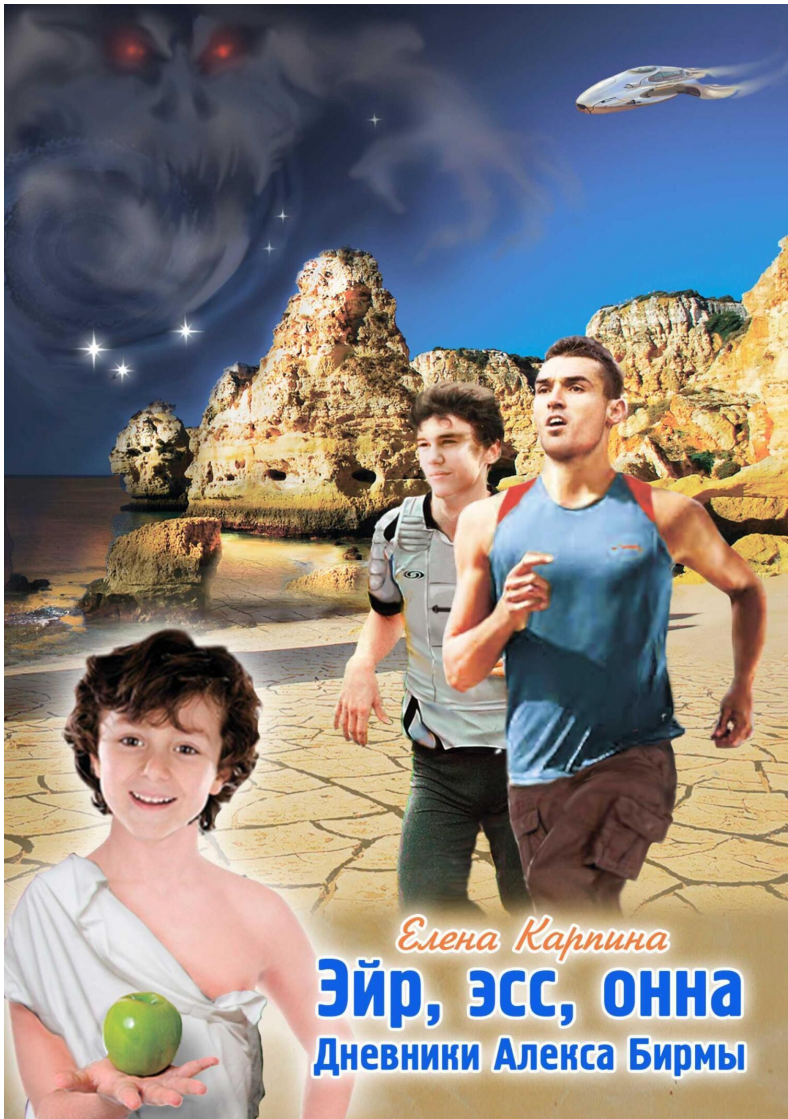

Елена Карпина

Эйр, Эсс, онна
Дневники Алекса Бирмы

Елена Карпина
Эйр, эсс, онна.
Дневники Алекса Бирмы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71941402

SelfPub; 2025

Аннотация

Мальчишка как мальчишка. Курсант Академии астронавтики, будущий космический штурман. Есть у него любимая девушка, есть наставник, отношения с которым не всегда гладкие. И вот однажды выясняется, что есть у него еще и сверхчужденные способности! А точнее – он СЕНСЕР. Он может чувствовать проколы в пространстве, эдакие «червоточины» из иной реальности, которые кто-то и для какой-то цели проделал. А вот для какой? Очень похоже, что не для мирной...

И отправляется парень, завербованный Службой Галактической Безопасности, на поиск этих «дыр», в компании наставника и своей любимой. И, конечно, приключения на них просто сыплются. А в итоге им приходится сотрудничать – ни много, ни мало – аж с самими богами!

Елена Карпина

Эйр, эсс, онна.

Дневники Алекса Бирмы

Снежный человек

Как все начиналось

...Вдох-выдох, вдох-выдох, вдох... Кажется, легкие сейчас лопнут, не выдержав такой нагрузки. Бежим уже почти час, ноги подкашиваются – а он даже не запыхался! Вон, маячит впереди, в голубой майке, и не думает сбавлять темп. Ой, мама моя родная, сейчас упаду! Ну почему ему мало положенных пяти километров по стадиону? Чисто, цивильно, камни под ноги не лезут. Нет – гоняет каждый день по десять, по пересеченной местности. Мало того, если подвернешь ногу, не миновать разноса. Говорит, думай, куда ногуставишь. На кого же нас здесь учат – на звездных штурманов или на скаковых лошадей? На фига такая подготовочка? В рубке спейсера не разбегаешься, а уж в коконе боевой шлюпки – рукой шевельнуть негде, не то что...

Он – это наш курсовой инструктор Риго, преподаватель Академии астронавтики, а мы – курсанты первого года, салагги. Вот и отвязываются на нас все, кому не лень, а этот – в особенности. Вообще-то, он ведет у нашего потока астро-

навигацию. А бегают с группой несчастных "первоклашек", потому что является этой самой группы, КН-51, куратором. Вот уж свезло нам, так свезло!

В академии принято, что физподготовкой «своих» студентов занимается куратор. Видимо, мудрый начальник академии, полковник Маузи, таким образом не позволяет самим преподавателям растерять форму и отрастить пузо. Но у других групп начальники как начальники, особо не зверствуют, а вот Риго... Мало того, что предмет свой заставляет сдавать-пересдавать, нещадно ставя «неуды», так еще и дополнительные практические занятия вводит, для лучшего усвоения курса. У нас что, головы резиновые, что ли? А в сутках двадцать восемь часов? На Тарсе их всего двадцать три!

Нет, наверное, надо рассказывать все по порядку. Меня зовут Алекс Бирма, мне пятнадцать лет и родился я в две тысячи четыреста тридцать первом году, в колонии людей на планете Цеста. Отца и мать почти не помню, они пропали без вести в космической экспедиции, когда мне едва исполнилось три года. Из всех детских впечатлений остались в памяти только запах лимонного пирога на Рождество, да тихая мамина колыбельная. А потом пришлось сразу взрослеть, потому что в сиротском приюте дети, не избавившиеся от наивности, живут плохо.

В Академию меня взяли согласно Галактической социальной программе помощи детям-сиротам как одного из лучших учеников средней школы. Правда, председатель комис-

сии по отбору предупредил: физуха там тяжелая, будет трудно. Я ростом и силой не вышел. Но выбора особого не было. Альтернатива – аграрный колледж – не очень-то прельщала. Целую жизнь копать в навозе – фу!

Весь путь до планеты Тарс, где размещалась моя теперешняя «альма-матер», я грезил о будущей жизни. Получалось возвышенно и в духе старых приключенческих фильмов: я, в форме космофлота, с лихо заломленным беретом, сильный и бесстрашный. Конечно же, я стану одним из лучших студентов – учеба всегда давалась легко, тут и думать нечего. А еще – рядом со мной верные и надежные друзья, и у нас куча приключений, и...

Как водится, реальность «приземлила» еще в порту. Тарс оказался песчаной захолустной планеткой. От одного вида простирающейся до самого горизонта полупустыни настроение резко упало. Пейзаж составляли редкие кустики чахлой растительности неопределенного серого цвета, пыльное мадрево плыло в воздухе. И еще – жара! Она окутала меня плотным душным одеялом, как только я сделал шаг из сервисного транспорта, доставляющего пассажиров от корабля в буферную зону. А дальше по этой жаре метров пятьсот пришлось топтать ножками. Отсталая планета...

Даже в тени открытой галереи, ведущей в здание с тер-

миналами и залами ожидания, температура была никак не меньше тридцати пяти градусов. Они что, не могли охлаждающую воздушную завесу сделать? Я, пока тащился со своим нехитрым скарбом, облился потом и ввалился в двери астровокзала, дыша, как вытащенная на берег рыба. С меня текло, рубашку можно было выжимать, на нее и на мокрое лицо тут же налипла вездесущая тарсианская пыль. В общем, видок у меня был тот еще. Я вздохнул и побрел к месту сбора группы, обозначенному табличкой

– О! Еще один. Эй, чумазый, ты в академию? – В углу зала ожидания толкались несколько мальчишек моего возраста и такого же «геройского облика». Я кивнул головой, потому что горло пересохло до полной невозможности выдать хоть один связный звук.

– Подходи, не стесняйся!

– С какой планеты?

– Ты на Тарсе раньше бывал?

– Как тебя зовут?

Вопросы сыпались со скоростью света, я же только ошалело вертел головой во все стороны, силясь разлепить спекшиеся губы.

Представитель Академии возник внезапно, словно материализовался из подпространства.

– Отставить базар! – Голос был такой, что показалось, подуло ветром с ледника. Нет, не ветром. Ураганом. Парни аж подпрыгнули, разинув рты. – И это будущие курсанты? В пыли валялись?! В туалете в кранах полно воды – умыться не судьба? Чтоб впредь не позорили внешним видом звание курсанта, по прибытии в академию каждый получит в качестве взыскания по наряду на работы. Сейчас – за мной. И не отставать, ждать вас никто не будет!

Оба-на! Не успел начать учебу, а уже схлопотал наказание. Или здесь всех новичков встречают подобным образом? Обкатка? Так я размышлял, чуть ли не бегом поспевая за высоким худощавым капитаном в темно-шоколадном комбинезоне. Дальразведчик, судя по униформе и нашивкам.

Офицер размашисто шагал, не оборачиваясь и не снижая темпа. Сзади пыхтели и чертыхались остальные девять новобранцев, покрываясь коркой смешанной с потом пыли. А я удивлялся, глядя в широкую, совершенно сухую и чистую спину астролетчика. Как он умудряется – на такой-то жаре – выглядеть, словно только что этот коричневый комбинезон с вешалки снял, выстиранный и отутюженный.

Капитан остановился у ярко-оранжевого автобуса на гравиподушке. У-у-у, а я-то думал, полетим. Интересно, школа далеко? Сколько пыли еще придется проглотить?

– Стройся!

Толпа измученных и вымазанных до полной однородной неузнаваемости мальчишек кое-как приняла вид шеренги.

Офицер вынул из кармашка на груди портативный сканер.
– Приготовить идентификаторы. Названный – шаг вперед, карточку на ладонь.

– Арби Томас!

– Я!

Высокий паренек с кожей темно-желтого цвета уверенно шагнул вперед, предъявляя для считывания электронное удостоверение личности.

– Бирма Алекс!

Я с трудом протолкнул из горла хриплое: «здесь». Да где же эта чертова карточка? Я ее, помнится, после посадки в лайнер сунул в какой-то карман...

Офицер, скептически поджав губы, наблюдал за моими судорожными поисками по всем карманам минуту, другую. Хмыкнул, когда я наконец-то извлек свой документ.

– Рассеянный штурман – стихийное бедствие для космического флота! Бирма, еще один наряд. Дактел Оллик!

– Я...

Переключка шла своим чередом, а я думал про офицера: вот сволочь, я его уже ненавижу.

Считав сканером паспорт последнего в строю и убрав девайс обратно в карман, астронавт толкнул речь:

– Отныне вы курсанты отделения космической навигации и гиперпространственного пилотирования, группы КН-51. Я – ваш куратор. Зовут меня Риго Сантана. Теперь быстро в автобус. Поскольку вы – последняя прибывшая группа, вре-

мении у вас мало. Как приедем, полчаса дается на приведение себя в порядок. Потом будет общее построение.

И за всю дорогу Сантана больше не произнес ни слова.

Я сидел на жестком продавленном сидении выдавшего вид школы «извозчика». Мое состояние являло собой смесь раздражения с крайним унынием. Размечтался, блин! Вот тебе суровая армейская действительность, получи! Но этот-то, этот гусь! Если и дальше так дело пойдет...

Тут я случайно наткнулся на взгляд новоиспеченного командира. Бр-р-р! Аж мороз продрал, по коже мурашки величиной с мышь! Чего это он, ну что я ему сделал? Больше встречаться глазами с Риго я не рисковал, разглядывал куратора исподтишка. Нет, он не обладал зловещей внешностью. Мужчина как мужчина. Таких, наверное, девять на десяток в космофлоте. Подтянутый, тренированный, жилистый, плечи широченные. Наверняка очень силен – ни капли жира, одни сплошные упругие мускулы. Смуглый или очень загорелый, черноволосый, лицо правильное. Можно сказать даже красивое лицо, но глаза, глаза... В них стыла ледяная тьма, которую не в силах было хоть чуть-чуть согреть кипяще-расплавленное солнце Тарса.

Мы ползли и ползли, равнина переходила в предгорья, светило уже скребло краешком зазубренный горизонт. Даже слышался тихий хруст. Хотя, наверное, это пыль на зубах... выпью всю воду, какую найду... только бы из этого проклятого автобуса...

Все, происходящее далее плыло в тумане усталости: я на автопилоте выбрался из машины, куда-то брел, пытался отмыть с кожи липкую грязь, переодевался в новенькую, серую, хрустящую форму курсанта. Попутно опять получил замечание за неправильно затянутые ремни на комбинезоне. А... да шло бы оно все! Минут десять «осматривался» у местного медика и терпел все полагающиеся инъекции – вакцины от местных вирусов и препараты «для акклиматизации». Потом на общем построении пожилой полковник в парадной форме долго бубнил о чести и ответственности, вгоняя в дрему. Я совсем отупел, меня поташнивало. Даже сжевать ужин после всех мытарств сил уже не было. Поковырял вилкой и отодвинул.

Пришел в себя я лишь наутро. И не столько от властной команды: «отделение, подъем!», сколько от зверского холода. На автопилоте выскочив в трико и майке на утреннюю пробежку, я мгновенно задубел и проснулся. Холодина стояла немилосердная.

Так я узнал тарсианские особенности. Днем здесь жарило, как в плавильной печи, но с приходом темноты температура стремительно опускалась, порой до отметки ниже нуля. Обычный климат пустынь, сказал мне сокурсник-землянин Майк. Только здесь пустыня размером почти со всю планету.

А потом были первые в моей жизни десять километров бегом по горкам-пригоркам, камням и колдобинам. Как я выдержал, до сих пор не понимаю. Чуть ноги не отвалились,

хотя изнеженным хлюпиком я никогда себя не считал. Но больше половины группы сошли с дистанции, свалившись прямо в пыль. Надо ли говорить, что до конца недели внеплановыми работами они себя обеспечили с лихвой. Я доковылял, видимо, только на чувстве злости, и со мной еще трое отказавшихся сдать. Риго скривил угол рта, мол, плетесь, ждать надоело, и скомандовал:

– Умыться и на построение!

Вот и начались мои суровые будни. Утром – выматывающая пробежка, потом за пятнадцать минут нужно привести себя в порядок. Куратор перед общешкольным построением всегда сам проверяет, как выглядят его курсанты, и, естественно, щедро раздает налево-направо взыскания. После завтрака в быстром темпе несемся в классы на теоретические занятия, потом практика, физподготовка, самоподготовка. Все с коротким перерывом на обед и отдых, за который всегда приходится то-то доделывать, доучивать, до... Крутишься, как белка в колесе (кстати, а что такое белка? Жаргонное название какой-то детали колеса?), и так до самого вечера. Лишь после ужина остаются два часа личного времени до отбоя, но и эти благословенные часы большинству учащихся приходится тратить на то, чтобы прорубиться через хитросплетения астрономии и методики расчета точек

входа-выхода в гиперпространстве.

Хотя, все-таки, настроение вечером уже лучше, чем утром. Можно расслабиться, потрепаться «за жизнь» с пацанами, валяясь в «матраснике». В нашей казарме курсанты еще неведомо каких годов оборудовали место для отдыха оригинально, но вполне согласуясь с потребностями усталого тела: застелили часть общего холла списанными матрасами, прикрыв сверху широким плотным полотнищем маскировочного тента для воздушных катеров. Получилось просто здорово, а поскольку внутренняя «меблировка» жилых помещений по неофициальному распоряжению начальства оставлялась на откуп их обитателям, то вмешиваться никто не стал. А мальчишки из поколения в поколение передавали традицию и менять, естественно, ничего не собирались.

А еще под страшным секретом открывалось младшим местонахождение тайников. По воскресеньям немногие счастливики, не нахватавшие «хвостов» и наказаний могли прокатиться в увольнительную в городок Вельилль, или в просторечьи Виль, находившийся от нас в шестнадцати километрах. Мы сбрасывались со своей небольшой стипендии, заказывая привезти что-нибудь вкусное. По правилам в казармах не разрешалось хранение пищи, но отказать себе в удовольствии после отбоя вытащить и съесть шоколадку-другую было трудно. Вот для этого и существовали потайные места, тщательно замаскированные, в которые и пряталось все, привезенное из города и не съеденное в первый

вечер.

Была попытка пронести контрабандой и спрятать пиво, но провалилась с треском. Сантана, которого за спиной уже перекрестили в Сатану, а также в Снежного Человека за жуткий морозный взгляд, строго соблюдал пункт правил школьного распорядка. Кураторам, согласно этому пункту, полагалось минимум за полчаса до отбоя заходить к своим подопечным, проверяя, все ли в порядке, нет ли больных и т.д. Но делалось это редко и нерегулярно. У большинства инструкторов были либо семьи, либо подружки в городе, и они спешили в Виль – домой или прошвырнуться по клубам. Какое уж тут правило! А вот Риго никуда не торопился: он жил на территории академии, в одном из маленьких коттеджей для несемейных преподавателей, в дальней части школьного городка. Ни семьи, ни подруги у него не было. Видимо, поэтому нам и доставалась вся «забота».

Так вот, как только пиво с величайшими предосторожностями было переброшено через забор в укромном месте, принесено в казарму и опущено в тайник, капитан возник на пороге с ритуальной фразой:

– Вопросы, просьбы, жалобы? (Да кто б ему стал жаловаться, извергу!).

Даже не дожидаясь какого-либо ответа, он воткнул ледяные иглы взгляда в каждого и... шагнул прямо к ухоронке с пластиковыми баночками «Особого Золотистого». Приподняв плашку пола под одной из кроватей, Риго вытащил на

свет весь пакет. Мы аж застонали. А этот гад добавил:

– Парни, в своей родной казарме я каждую щёлку знаю. И по глазам вижу, когда пацаны что-то задумали.

Пиво он забрал и унес с собой (пусть бы подавился им!) А мы весь следующий вечер вместо отдыха «драили плац зубными щетками». Но вот что интересно – конфеты и печенье, лежавшие там же, в тайнике, Риго не тронул. Не заметил? Вряд ли.

Здесь, в длинном приземистом здании, где помещалось наше жилище, я впервые ощутил себя почти дома. Может, дело было в том, что в КН-51 подобрались правильные ребята, а ежедневное противостояние трудностям и куратору сплотило. В любом случае, у нас еще ни разу не было между собой серьезных конфликтов. Не то, что в других группах, где уже успели выделиться жесткие лидеры, подминающие под себя остальных.

– Ага, Заморыш, попался! Принес нам башлики? Проиграл – плати. Где денежки, дохлятина?

Опять эта парочка дебилов из КН-43. Черт меня дернул сесть с ними резаться в покер. А ведь приютом битый-перебитый – и купился, как последний лох! Они же явно спелись в мухлевке с картами и наладились обдирать простаков. Мне пришлось дожидаться стипендии и почти полностью ее отдать

за проигрыш. Однако, все не унимаются.

Я соорудил независимый вид. Не отстанут, конечно. Но и нельзя дать им почуять слабинку.

– Я вам все отдал! Ничего больше не должен.

– Как это – ничего? А проценты? За каждый день просрочки по десять «зюликов» набежало. – Крепко сбитый, даже полноватый второкурсник издевательски сплюнул мне под ноги. Другой, не менее квадратный и тяжелый, многообещающе ухмыльнулся.

Нет, ну надо же! Такой наглый развод на деньги я стерпеть не мог. Им только позволь себе на шею сесть...

– Это не видал, жирная морда?! – Я скрутил тугой кукиш и ткнул противнику в самые глаза. Зря.

– А за гнилой базар ответишь! – Оплеуха едва не сшибла меня с ног. Удары посыпались, казалось, со всех четырех сторон.

Я, как уже говорилось, был мелкий и щуплый, а эти бандиты со второго курса – чуть не вдвое меня шире. Подкараулили, сволочи, подальше от казарм и, следовательно, от помощи одноклассников. Хотя я и умудрился отбить несколько ударов, иллюзий на этот счет не строил. Перевес в силе на их стороне, рано или поздно меня свалят. В пылу схватки я пропустил момент, когда оба противника вдруг на мгновение оцепенели, а потом бросились бежать так, будто за ними все черти гнались. А на мое плечо опустилась тяжелая рука.

Н-да, черт оказался всего один, но хорошо известный. Уж

лучше бы – они добились. Ригу крутанул меня, не ослабляя жестокой хватки, лицом к лицу и с минуту молча изучал мою разбитую «приборную панель». Потом изрек:

– Позор! Позволить так разукрасить себе физиономию просто неприлично. Дополнительный час занятий по боевым искусствам ежедневно. Индивидуально со мной. Будешь приходить вечерами в спортзал – после того, как отсидишь на гауптвахте двое суток, естественно. Марш! И – сначала зайди в медпункт.

Удрученный, я поплелся меж аккуратных домиков в сторону школьной больницы, проклиная обормотов из КН-43, мучителя и свою горькую, невезучую долю. Надо же так нарваться! Вместо отдыха каждый вечер меня будут возить по полу носом – и кто! Да «губа» санаторием покажется! Ох, накостылять бы ему... о, грезы, сладкие грезы. Про нашего куратора ходили легенды, хотя он работал в школе всего третий год.

Поясню: кроме отделения навигации, в академии обучались и будущие штурмовики-космодесантники. Здоровяки, как на подбор, а уж выпускной курс, двадцатилетние «шкафы», превзошедшие все хитрости рукопашного и любого другого боя, испугали бы кого угодно. Однажды, будучи в увольнительной в городке, трое «десантур» слегка перебрали, несмотря на запрет. Перебор привел их в состояние крайней готовности к подвигам. Нет, полгорода разнести они не успели – наткнулись на Ригу собственной персоной.

Дуроломы спьяну почему-то решили, что втроем им никто не страшен, устав не писан, и можно задраться даже с преподавателем. Так вот, трое амбалов, мускулистых и тренированных, разлетались, как котята, а капитан методично и спокойно лупил их, не забывая давать пояснения по ходу дела. За что, куда и как именно. После этого случая все штурмовое отделение ходило перед нашим куратором на цыпочках. По-моему, и некоторые инструкторы тоже.

В санчасти власть любых офицеров заканчивалась. Потому что там самодержавно правил единственный на территории академии штатский, шестидесятичетырехлетний доктор Герхарт Зуммель, в просторечьи Папаша Зум. Маленький, румяный, улыбчивый землянин был нашей отдушиной. Он обладал невероятным талантом успокаивать боль, телесную и душевную, и не столько таблетками, сколько ласковым словом и пониманием. Пока он промывал мне ссадины на лице, я вздохнул, чуть не со слезами жаловался на свои тридцать три несчастья. Он слушал, качал головой, а вокруг глаз собирались лукавые лучики-морщинки.

– Вот увидишь, больше тебя никто из курсантов не тронет. Для тех двоих дело кончится плачевно. Я Ригу знаю.

– В это как раз верится. Зато мне он теперь крови-то попортит! – Я тяжело вздохнул.

– Нет ничего плохого в том, чтобы взять пару-тройку уроков у мастера. Боишься, что ли?

– Ага, попробуй тут не бояться, он только зыркнет – во

мне аж все стынет! Откуда он такой выискался?!

— Откуда... — Зум заметно погрузтел, — был парень, славный, открытый — и нет его, сгорел. Никто ничего не смог сделать. Кто знает, вдруг ты...

Последнее он произнес так тихо, будто сам с собой говорил. И замолчал. Я не понял, что доктор имел в виду.

На третий день, отсидев положенное, после ужина я при- тащился-таки в спортзал. Как непривычно находиться совершенно одному в большом, гулком помещении! Обычно нас здесь занималось человек тридцать, по три группы сразу, а занятия вели двое молодых инструкторов с космодесантного отделения. Они хоть и хмурили брови, стараясь казаться грозными, но всерьез это никто не воспринимал. Во время тренировок настроение царило весьма оживленное, было шумно и весело.

Теперь я сидел на корточках в одиночестве и с тоской ждал начала. Вскоре дверь зала распахнулась, впуская Сантану.

— Уже здесь? Хорошо. Приступим. Разминку сделал?

Риго появился на татами не в традиционном кимоно, а в обычной своей голубой майке. Я вскочил и отвесил ритуальный поклон.

Сантана хлопнул рукой по висевшей в углу до-дзё боль-

шой, килограмм на восемьдесят, набитой песком груше-макиваре.

– Ну-ка, дай по ней как следует.

Я и дал. Как учили, стремительно выбросив вперед кисть правой руки с доворотом за мгновение до удара. Кулак с глухим стуком врезался в кожаный грушин бок, я отбил себе костяшки, а макивара лишь едва вздрогнула.

– Медленно! Ты двигаешься очень медленно. Физику учил? Сила удара и скорость взаимосвязаны. И еще – у тебя работает только рука, а в удар нужно вложить всю массу корпуса. Смотри: через ногу и бок ты, как пружина, передаешь энергию толчка от земли...

Он показал. Я даже не успел увидеть его движения, а мешок с песком отлетел чуть не параллельно полу. Ого! Да где ж мне так смочь!

– Сможешь, – Риго словно читал мои мысли, – Постепенно.

В этот вечер я до звездочек в глазах отрабатывал три движения: связку коротких ударов руками. Капитан требовал скорости. Мне ни разу не удалось его достать, хотя я старался вовсю. Очень уж соблазнительно было, придя в казарму, похвастаться пацанам, что я его таки стукнул.

Не тут-то было! Инструктор исчезал с линии атаки, неуловимо смещаясь вправо-влево, и каждый раз успевал несильно, но чувствительно приложить в бок или по спине. Я злился, пытаясь уследить за его танцем и опередить, но куда там!

Под конец он поймал меня за руку в захват и отправил кувырком на маты.

– Ну всё, на сегодня хватит. Переодевайся.

Я был мокрый, злой и выжатый, как лимон. Погоди, когда-нибудь все равно тебя достану! Пребывая в мрачном состоянии духа, я стаскивал пропотевшее кимоно, а Снежный в другом конце раздевалки менял свою любимую майку на сухую. Случайно капитан повернулся ко мне голой спиной – ох, мама родная! Досталось ему по жизни. Где же это его так исполосовали? На загорелой до черноты коже выделялись мертвенной белизной жуткие рубцы старых шрамов. Похоже, наш куратор прошел огни и воды. Моё раздражение как-то само собой улетучилось. И, кажется, я начал смутно улавливать смысл слов Папаши Зума.

Из вечера в вечер повторялось одно и то же. Разнились только последовательности ударов, стоек и блоков. Я пыхтел, обливался потом, выкладываясь, но Риго оставался неуловим. Я учился правильно дышать и правильно ставить ноги, концентрировать силу на конце кулака и предугадывать перемещения партнера. Последнее не удавалось почти никогда – уж слишком стремительно двигался мой наставник. Правда, спустя месяц я обнаружил на общих занятиях, что меня практически никто не может достать. А инструктор-десант-

ник как-то двусмысленно на меня поглядывает.

Однажды под конец тренировки капитан объявил:

– Спарринг. Фулл-контакт, но я только защищаюсь.

Ну, спасибо и на том, что не убьет ненароком. Я атаковал, как всегда безуспешно, в пустоту. И вдруг он сменил тактику – очередной удар блокировал. Уй-ё! Я как на столб налетел!

– Думай. Машешь наобум, не стараясь обойти возможное сопротивление, и результат понятен. Пока твое тело не приобрело крепости железа, подставляться следует поменьше. Потом сможешь держать любой удар, но это дается не сразу. Технику «кольчуга» осваивают не в первый год занятий.

Ага, как в том анекдоте про каратиста? Спросили круто-поясатого мастера, как он будет защищаться, если его ударят ногой по... ну, в общем, ударят. А он – мол, зачем защищаться? Пусть бьет – ногу об меня сломает... Видимо, на лице у меня явственно отобразилось сомнение.

– Не веришь? Бей. Я снимаю защиту. – И скомандовал: – Маваша чу-дан, юй! [1].

Я вытаращился на него в полном замешательстве. Ногой по грудной клетке, с полуразворота? Я хоть и не силач, но груша и у меня отлетать начала. Не боится?

Он, устав ждать, дернул бровью:

– Чего топчешься, работай, – и добавил ядовито, – ну, вы же все спите и видите во сне эту возможность! Хорошо, ставлю блок. Вперед! – Он прикрылся руками, а в его глазах мелькнул какой-то странный интерес.

Я ударил. Быстро, прочувствованно, с пониманием. А он вдруг поднял руки над головой! Остановить летящую ногу я не успевал, только в голове мелькнуло – ребра же ему сломаю, минимум!

– А-ы-ы-ы! – Я брякнулся на пол. Эффект был, как от столкновения со стволом матерого дерева. Щиколотку явно выбил, голень онемела, а в голове прыгали, звеня и стучаясь, металлические шарики. Вот тут меня и прорвало. Я орал: он бессердечный садист, пользуется тем, что взрослый и сильный, и тем, что мы только курсанты. Что это ему некуда деваться по вечерам, а я хочу отдыхать все-таки, и в увольнительной бывать почаще, чем раз в семестр. Я припоминал все обиды и проваленные зачеты, я кричал, что он мог бы быть чуть снисходительнее и не доводить бедных мальчишек до иступления.

– Алекс, – голос Риго звучал тихо, и даже льдинки глаз показались присыпанными пеплом. – Космос не прощает ошибок. Там за просчет жизнью заплатишь не только сам, но и те, с кем ты в связке. Я хочу, чтобы вы всегда возвращались. Понимаешь, возвращались – домой. И пытаюсь научить всему, что знаю сам.

Он покачал головой, невесело усмехнулся:

– Ладно, закончим. С сегодняшнего дня свободен. Может быть, действительно уже хватит.

Он опустился рядом на пол и начал осторожно ощупывать мою травмированную лодыжку. Я молчал, ошарашен-

ный внезапной уступчивостью капитана, наблюдая, как его длинные, чуткие пальцы скользят по коже, разгоняют начавший наливаться кровоподтек. Ну-ну. Сам-то хорохоришься, а и у тебя синяк будет, железный ты или не железный. Но злорадства почему-то не получилось, а стало вдруг грустно. Ему никто ушибы не разотрет.

Темная аллея вела от учебных корпусов к жилой зоне. Жесткие листья кустов шелестели тревожно, вторя разыгравшейся непогоде. Я, прихрамывая, шел с тренировки и ежился от задувающего за воротник ветра с песком. Настроение было подстать сгущающимся зимним сумеркам. В горле будто что-то застряло, а в смятенной голове толкался вопрос: что же случилось? Теплые, сильные ладони. Надежные. Такие, наверное, были у отца...

Я брел, пиная упавшие на дорожку обломки ветвей, и думал, думал. Что мы вообще знаем о Риго? Папаша Зум, вон, намекал-намекал, присмотрись, мол, а я? Предпочел привычно увидеть все в черном цвете. Ежели рассудить, Сантана правильно все делает: чтобы заставить учиться сотню оболтусов, нужны сильные меры. Меня теперь среди ночи разбуди, я отбарабаню формулу расчета плотности гравиполя. А выйдет аппаратура из строя – и придется вручную? Вот тут-то все и пригодится. Прав он, как ни крути, а что жесткий...ну, похоже, жизнь заставила. Ведь он, кажется, воевал. Какой бы я, спрашивается, был, пройдя через войну?

Впрочем, назавтра куратор благополучно засыпал меня на

зачете по теории Зеймана-Мальцева, и робкий росток сочувствия в душе незамедлительно увял.

В самом начале весны у нас начались долгожданные практические занятия по пилотированию малого десантного катера. Мальчишки с душевным трепетом забирались в спаренный ложемент учебной машины и делали неловкие попытки подняться в воздух. Занятия проходили под чутким руководством и иногда рукоприкладством инструктора, капитана Перри Део. Ну, рукоприкладство – это я так, сгущаю. Ну, подумаешь, один раз подзатыльник Томасу отвесил, когда тот умудрился экран альтиметра продавить. И второй, после того, как тот чуть в пике не сорвался.

Я всю зиму до изнеможения крутил джойстики тренажера, отрабатывая действия пилота. И видимо, поэтому у меня все получилось сразу. Перри даже присвистнул: ты, мол, парень, прирожденный летун. С самого первого дня уроки пилотажа стали для меня почти как наркотик. Я с нетерпением ждал каждого нового занятия и скоро освоился настолько, что преподаватель разрешил мне, самому первому из группы, самостоятельные вылеты. Вы бы знали, какое это счастье – быть там, наверху, где только солнце, пронзительная синева и свобода!

Это случилось в конце последнего весеннего месяца Квинта[2]. Оллик вихрем ворвался в казарму, едва не выбив дверь:

– Ой, пацаны, кого я сейчас видел! К Део сестра приехала в гости! Красивая, просто отпад!

Новость распространилась с быстротой пожара, и до вечера вокруг преподавательских коттеджей наблюдалось очень оживленное движение. Парни находили любой предлог, чтобы оказаться в том месте в надежде увидеть таинственную незнакомку. Я в этом не участвовал – ну подумаешь, девчонка какая-то. Что, я их не видел, что ли? Тем более, завтра в расписании стоял очередной пилотаж и голова моя была занята совсем другими мыслями.

Наутро, первым прибежав на взлетную площадку, я обнаружил, что один из учебных катеров отсутствует на стапелях. Перри был уже на поле и переговаривался с кем-то по карманному коммуникатору. Я расслышал что-то вроде «возвращайся, и я...». Инструктор обернулся ко мне:

– О! Алекс! Ну-ка, посмотри! – Он указал рукой куда-то высоко в разбавленную восходящим светилом синеву.

Я прищурился и вскоре различил в небе блескучую точку, которая быстро приближалась. Да это же катер! А пилотирует-то кто? Кто бы то ни был, делал он это лихо: заложил несколько виражей, выполнил идеальный выход из пи-

кирования, скользя всего в паре метров от земли, и снова умчался ввысь, чтобы прокрутить каскад фигур высшего пилотажа.

Я зачарованно наблюдал за машиной, словно танцующей в воздухе, слыша за спиной восхищенный шепот собравшихся одноклассников. Вскоре неизвестному асу, похоже, надоело вертеться в небесах. Каплевидный золотистый аппарат пошел на снижение, чиркнул траву выпущенными опорами, чуть прокатился, гася инерцию, и встал. Полупрозрачный пластиковый верхний колпак с глухим шелестом отъехал назад, и из кабины катера показалась тоненькая невысокая фигурка. Пилот прыгнул со стабилизатора, стащил с головы шлем...

Девушка! Так вот она какая – хрупкая, светловолосая, совсем не похожая на здоровяка-брата Перри, который уже спешил к ней через летное поле.

– Молодец, сестренка! Считай, квалификационное удостоверение у тебя в кармане. – Брат обнял ее за плечи и повел к нам:

– Знакомьтесь – Ийя Део, курсант женской летной школы. Сдала досрочно экзамены и прилетела на побывку к старому медведю.

Ийя фыркнула:

– Ну, уж старый! Намного ли старше меня? Это что, в двадцать пять я уже бабкой считаться буду? А! Это и есть твои орлы? Что-то вид у них не очень. Хотя машину-то в воздух

поднять смогут?

– Ты моих парней не конфузь, они ж только третий месяц летают. Но кое-что умеют. Да вот, хотя бы, Алекс. Ну-ка покажи, Ал, не опозорь наставника!

Я бегом кинулся к катеру, скользнул в ложемент, захлопнул колпак. Шутка ли – после такого представления в небе не ударить в грязь лицом. Ну и ладно, я тоже могу, да все получится! Я уговаривал себя не волноваться, но ладони на рукоятках управления были мокрые, а в животе угнездился неприятный холодок. Может быть, поэтому все было не как всегда. Скованно и нервно. И вираж ложился не так чисто, и заход на посадку вышел грубоватый, и... В общем, я был не в ударе. Поэтому после приземления постарался бочком-бочком ускользнуть с площадки за спины курсантов. А птица-сестрица бросила лениво вдогонку:

– Зеленоват. Ну ничего, через пару десятков лет научится.

Как ни убеждали меня друзья, что я вел катер не хуже, но я-то знал о своем провале. И чем больше я об этом думал, тем тревожнее и тревожнее билось сердце. Весь последующий день я не мог сосредоточиться ни на чем: перед глазами у меня так и стоял насмешливый взгляд под светло-русой озорной челкой. Я должен ей доказать, должен!

Ночью она мне приснилась. Мы летали, взявшись за руки, просто парили в открытом космосе безо всяких скафандров, и я срывал звезды, и бросал ей, словно цветы...

Цветы! Мысль, яркая, как вспышка от старта фотонного

звездолета, пронзила сон, вытолкнув меня на поверхность. Я резко сел в кровати. Ну конечно, цветы! Высоко в горах, там, где напитывает почву хрустальная влага от тающих ледников, весной цветут фризусы. Белые, нежные, как облака, и такие же, как облака в небе Тарса, редкие. Провести катер между горных круч очень тяжело и опасно, но я должен найти эти цветы и принести Ийе. И тогда она поймет, что я летаю хорошо, что я достоин улыбки, блеска ее странных, словно бы серебрящихся глаз. А потом я приглашу ее в воскресенье в Вельилль, потанцевать в клубе, погулять в искусственном оазисе-парке или... что-нибудь еще придумается. Она... она согласится, конечно же, согласится!

На следующий день я тайком скачал в электронной библиотеке файл с картами горного массива Карай и надежно спрятал маленький инфокристалл в летном комбинезоне. Теперь предстояло незамеченным пробраться на статую площадку и угнать катер. Я понимал, что такая выходка может мне очень дорого стоить. Победителей не судят, но порой наказывают.

Мне пока везло. Део как раз отправился на совещание к Маузи, в ангаре остались только парни-техники, но и они, как обычно, тут же улизнули, прихватив бутылочку холодной шипучки, в сторону коттеджей, в тени.

Я столкнул машину с подъемника, забрался в кабину и запустил двигатели. Очень хорошо, что современная тяга практически бесшумна. Цилиндрик кристалла с сухим

щелчком вошел в гнездо бортового компьютера.

Я быстро набрал высоту и лег на курс. Коммуникатор на приборной панели на всякий случай сразу выключил: и без него засекут, конечно, но не так скоро.

Через два часа под стабилизаторами катера вздыбились Карайские предгорья – те самые зазубренные вершины, что виднелись из окна автобуса, когда мы ехали в академию. Я начал искать зеленые проплешины между камнями, где, по моим понятиям могли расти горные цветы. Всмотривался, кружил между откосами, но пока безуспешно.

Я забирался все дальше и дальше на север. Постепенно довольно пологие, покрытые кое-какой травой склоны сменялись на возносящиеся к небу острые каменные пики, между которыми приходилось лавировать. Местами заблестели на солнце белые пятна ледников.

Я петлял в ущельях, совершенно потеряв счет времени, забыв, что приближается вечер, и опомнился, только когда каменные осыпи смазались в синем мареве закатных теней. Цветов нигде не было. То ли уже успели отцвести, то ли вообще здесь никогда не росли.

Солнце стремительно упало за чернеющий хребет. Надо было выбирать. Я попытался развернуть машину и вдруг, холодея, услышал характерные щелчки в работе двигателей. Еще не до конца веря в случившееся, опустил глаза на топливный индикатор. Глазок счетчика наливался аварийно-красным. Взыл зуммер сигнала уровня топлива.

Идиот! Запас «горючки» не был рассчитан на столько часов полета. Отправляясь в далекий путь, пилоты всегда берут запасные энергокассеты. Я же сейчас грохнусь! Остается одно – садиться, пока не поздно, и попытаться подать сигнал бедствия. Меня услышат, должны услышать. Ночь в горах, при минусовой температуре, без огня и теплой одежды мне не перенести.

Но приземлиться нормально я не успел. Двигатели заглохли один за другим, катер клюнул носом, не дотянув каких-то десяти метров до более-менее ровной площадки на склоне горы, которую я наметил для посадки. Спланировать, используя восходящие потоки, было нельзя за отсутствием таковых: быстро остывающий воздух – не помощник.

Машина косо чиркнула по острым камням, оторвав напроць стабилизатор, пропахала в щебне рытвину и застряла носом вниз между двумя огромными обломками скалы. Меня спасло только прочное аварийное крепление в ложементе, которое в момент катастрофы охватывает пилота мягким коконом.

Кое-как освободившись из объятий пилотского кресла, я еще десять минут сидел, тупо уставившись на приборную доску. В голове шумело. Я протянул дрожащую руку к коммуникатору, молясь в душе. Щелкнул клавишей раз, другой, третий... ну, включись же!

Чудес не бывает. Не работала вообще вся аппаратура. Видимо, при падении был поврежден центральный энергопро-

вод. Значит, даже о минимальном обогреве кабины придется забыть. Выжить ночь на морозе представлялось сомнительным. Я сунул руку в ящик для личных вещей, что находится под приборной доской. Может быть, там есть хотя бы зажигалка. Но ее не было. Зато мои пальцы наткнулись на округлый пластмассовый бок.

Карманный коммуникатор! Наверное, Перри забыл случайно. Вот оно, спасение! Трясущимися пальцами я пролистал список номеров. Единственный подходящий код – приемная полковника Маузи. Там круглые сутки дежурят офицеры. Мой палец торопливо мазнул по сенсору, вызывая абонента.

Но в динамике устройства была тишина. Ах, да! Склоны гор наверняка экранируют сигнал. Надо подняться повыше. Я с трудом выбрался из покореженной машины, спрыгнул на камни и полез вверх, цепляясь тут же замерзшими, негнущимися пальцами за скальные выступы. Забрался, насколько хватило сил, и едва различая в густеющих сумерках свои руки, повторил вызов. Надо было подниматься еще и еще, пока, наконец, динамик не ожил голосом:

– Приемная полковника Маузи...

Сбиваясь и захлебываясь, я прокричал, кто я и что со мной случилось.

– Слава богу, нашелся! – Мужской голос был полон тревоги. – Ты ранен? Нет? Уже лучше. Не выключай коммуникатор, мы возьмем пеленг. В кабине под сидением пилота

аварийные факелы. Достань и зажги. Черт возьми! Тут все из-за тебя на ушах стоят!

Спускаться вниз, к катеру оказалось трудней, чем карабкаться к вершине. Светить себе коммуникатором я не рискнул – вдруг потеряю или разобью. Пару раз ноги соскальзывали, и я съезжал по каменной осыпи, обдирая кожу, еще раз – попал в темноте в трещину, заполненную снегом, и вывалялся по уши. Снег на одежде тут же начал таять от моего тела. Плохо. Мокрый комбинезон – не лучшая защита от холода, который уже начал существенно донимать.

Температура сейчас где-то около нуля, как мне кажется, и продолжает падать. Остается надеяться, что спасатели прилетят чуть раньше, чем я врежу дуба. Проклиная себя за дурость, я наконец-то добрался до разбитого аппарата, ввинтился в кабину и принялся шарить по полу. Ага! Вот они! На свет божий (это так, образно, потому что света как раз и не было) выкатилась цилиндрическая упаковка. Факелы в количестве шести штук, время горения – сорок минут. Ни секунды не медля, я распотрошил хрупкую пластиковую коробку и переломил запальную трубку на одном из них.

Химическая реакция затеплила слабое фиолетовое свечение, которое, по мере соединения реагентов, становилось все ярче и ярче. Огонь! Даже показалось, что стало теплее, хотя, конечно, пламя внутри прозрачного стержня не способно было согреть. Разве что ладони. Я воткнул факел между камней, и, приплясывая, чтобы совсем не окоченеть, принялся

ждать.

Мне пришлось зажигать еще один факел, и он успел сгореть почти до половины, когда уши различили что-то иное, чем завывание ветра по ущелью. Кажется или нет, что катятся камешки? Так и есть, в темноте слышались торопливые шаги справа поперек склона, мелькнул качающийся огонек. Спустя несколько секунд в маленьком кругу неверного лилового света возник ... Риго. Кинулся ко мне, схватил за плечи:

– Цел?!

– Д-д-а, з-з-м-мер-з т-т-о-льк-ко... – губы прыгали, зуб на зуб не попадал. Риго тут же сорвал с себя меховую куртку, натянул на мое негнущееся тело и потащил меня куда-то вбок по горе, подсвечивая путь маленьким фонариком. Я почти бежал за ним, настолько, насколько вообще мог быстро переставлять задубевшие конечности, оступался, но упасть Сантана не давал, держа железной хваткой. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем впереди черной тушей сквозь темноту проступил катер куратора. Но на самом деле все уложилось от силы минут в пять.

Командир, оказывается, посадил машину на довольно-таки ровный склон. Как он его выбрал во тьме – непостижимо! Но решать ребусы сейчас отнюдь не хотелось, тем более что сильная рука чуть не за шкуру зашвырнула меня позади пилотского кресла. Риго следом упал в ложемент, захлопнул колпак и рванул машину с места. До сих пор я считал, что знаю, какую скорость может развить малый катер.

Мы приземлились не на летном поле, а прямо на маленькой площадке перед санчастью. Сантана вытащил меня из кабины и стремительно втолкнул в двери приемной медблока, яростно прошипев в спину:

– Мальчишка, щенок, чуть не угробился ведь! – и выскочил, хлопнув дверью.

Но я не обиделся. Я вдруг понял – Риго испугался за меня, «до последней крайности», как говорили в интернате, где я рос. Никакой он не снежный человек, не ледяной и не железный. Хороший он. И не злой – горький. Я был так ошеломлен открывшейся мне истиной, что не среагировал на вопросы Зуммеля, заставив его заподозрить у меня травматический шок.

На всякий случай медик оставил меня в санчасти на сутки. Ему было, наверное, просто скучно. Здоровые до безобразия парни явно не обеспечивали врачу фронта работ, разве что покалечится кто-нибудь. Но сейчас шестиместная палата пустовала, и можно было до одурения валяться на кровати, с тоской думая о будущем и сильно подозревая, что в академии я нахожусь последние дни. Утром приходил Маузи и та-ак на меня наорал!

Зуммель зашел ко мне просто поболтать. Он работал здесь давно, не один десяток лет, и знал про академию и пре-

подавателей массу интересного. Врач застал Маузи еще рядовым инструктором, в чине капитана. Кстати, вел тогда нынешний глава школы тоже навигацию. Доктор рассказывал и про Ригу. Если верить воспоминаниям Папаши Зума, Сантана считался одним из самых шепутных и предприимчивых курсантов, и редкая неделя обходилась без приключений с его участием. Но закончил академию юный шалопай с отличием, по распределению попав служить в Дальнюю разведку.

– Лет семь он болтался по задворкам космоса. Вот уж где приключений хватало на его неугомонную душу, – рассказывал Зум, – пока как-то на планете Ови наш сорви-голова не встретил девушку. Ровно через пять месяцев Ригу женился и перестал уходить в дальние поиски, нашел работу поближе к дому. У них родился сын.

Зум тяжело вздохнул:

– Но спустя два года случился...

– Овийский мятеж?

– Да.

Овийский мятеж... Мы проходили его по новейшей истории Галактики. На Ови к власти военным путем пришел самый беспринципный из князей-аборигенов, который объявил колонистов-людей захватчиками. Это нас-то! Мы им, считай, технологии подарили, промышленность на их отсталой планетке наладили, учили... на свою голову. Из всего арсенала техники овирес интересовало только оружие. Дикими были, дикими и остались.

Кликкой нового правителя все, кто не выглядел, как вставшая на задние ноги чешуйчатая жаба, просто физически уничтожались. С Ови началось бегство людей. Колония, в которой, как оказалось, жила семья Сантаны, эвакуировалась на трех небольших звездолетах. Корабли были набиты пассажирами втрое против расчетной вместимости, как банки шпротами. Сам Риго, как и другие космонавты, шел на одиночном боевом шлюпе охраны. Но тихо покинуть пределы Системы не удалось. Они нарвались на эскадру ови-рес. Сражения практически не было: ну что могла поделывать горстка шюпов и три старых пассажирских корабля против оснащенных мощными – нашими же – лазерными орудиями овирийских линкоров.

Беженцев расстреляли практически в упор. Парни-пилоты, уцелевшие там, потом рассказывали, как с ужасом увидели яркую, ярче звездной фотосферы, иглу, перечеркнувшую один из кораблей. Сотни людей – женщин, детей, превратились вместе со своим звездолетом в слепящий огненный шар. На этом корабле летели жена и сын Риго. Сантана был рядом, но не успел, физически не мог успеть подставить под удар свой шлюп, прикрыв пассажирский корабль. Но он винит себя в этом и не может простить.

В информ-учебнике упоминалось, что как раз в момент уничтожения беженцев флот Совета Галактики вышел из гипера рядом с Ови, и аборигенам пришлось туго. Два других корабля землян спаслись.

Я спросил у Зума:

– Капитан был ранен там, в этом сражении?

– Нет, после случившегося Риго снова метался по всему известному космосу, встречая в любые заварушки. Все смерти искал... Однажды чуть не нашел. Вытащить-то его с того света вытащили, да вот из флота списали вчистую. По здоровью, якобы. А потом капитана отыскал Маузи и уговорил вернуться в родную академию в качестве преподавателя.

Вот оно, значит, как. А мы-то, дурни – Снежный Человек, гад и все такое... ох!

– Алька! Ал?! Ну, спишь, что ли? В дверь палаты ввалилась делегация: Майк, Томас и, конечно, вездесущий Оллик.

– Ты как, сильно побился? Ничего не сломал? – Парни были искренне встревожены. А я пребывал в аморфном состоянии тупого безразличия. Даже приход друзей не смог потрясти из души ватные обрывки серого тумана. Мне все равно. Скоро я улечу и никогда больше с ними не встречу.

– А, привет. Все нормально. Сломал только катер. Выгонят. – Даже говорить мне было лениво.

Оллик склонился к моему уху:

– Алька, я тут... шел, короче, в канцелярию, ну и – в кабинете Маузи окно было приоткрыто. В общем, они там про тебя решают. Школьным Советом. Сатана за тебя насмерть

сражается! Бирма, говорит, не растерялся, вел себя в экстремальных условиях как следует, грамотно. Из таких, мол, хорошие космонавты и получаются. Может, обойдется...

Я, услышав такое, несколько оживился. Вот уж не ожидал – думал, Риго первым будет за мое исключение. Надо же!

– Пацаны! Такое дело... – Я вкратце пересказал им то, что узнал от Зума, вкупе со своими соображениями и объяснил, что надо сделать. Удивительно, но со мной согласились все трое.

Даже если я вылечу из академии с треском – оставаться неблагодарной свиньей не намерен! Считайте это моим политическим завещанием.

Оллик вздохнул:

– А Ийя улетела утром...

Вечером в санчасть пожаловал сам куратор. Я быстренько принял вертикальное положение и даже попытался по-строговому одернуть пижаму. Рефлекс.

– Курсант Бирма, – голос Риго был усталым. – Совет Академии принял решение не исключать тебя. Ограничились трудовым направлением сроком на месяц. Будешь вечерами помогать техникам в ангаре. И не сомневайся, – добавил он уже ехидно, – они на тебя повесят всю самую грязную работу.

Я не мог поверить своим ушам: разве это наказание – провести месяц рядом с катерами, пусть даже и отмывая вечно загаженный смазочными материалами пол! Все, что звалось Алексом Бирмой, застыло, боясь спугнуть это мгновение: вдруг я чего-то не так расслышал, вдруг все это неправда!

Капитан пошел было к выходу, но с полдороги развернулся ко мне:

– Ал, между нами – какого черта тебя туда понесло?

Тихо так спросил, вроде бы и не сердился. Поэтому я во всем сознался. Риге долго молчал. Потом вздохнул горько.

– Балбес. Выдрать бы тебя...

Странно. Он мне вроде бы порку посулил, а я... Я порывисто шагнул к нему, уткнулся лицом в сильное, такое надежное плечо и... позорно разревелся. Сантана не стал меня ни ругать, ни утешать, вообще ни слова не сказал. Только обхватил неловко за плечи и прижался щекой к моим спутанным волосам.

За час до отбоя я вернулся «домой». Мальчишки обступили меня плотным

кольцом.

– Алька! Ну?!

Я молча поднял вверх большой палец. Что на языке же-

стов космодесантников означало – оставить в живых. Стены казармы качнулись от громового «ура».

Куратор появился как обычно, с ритуальной фразой:
– Вопросы, просьбы, жалобы?

И на этот раз вместо стандартного ответа дежурного по казарме: «происшествий нет, заболевших нет, жалоб нет» слышался несмелый мальчишечий голос:

– Капитан Сантана, если вы не слишком устали... побудьте с нами чуть-чуть. Мы давно хотели попросить Вас рассказать о Космосе.

Курсанты подхватили хором:

– Расскажите, пожалуйста!

– Расскажите!

Риго несколько секунд ошарашенно водил по нам взглядом – и таял, исчезал в темных глазах всегдашний лед. Потом среди мальчишек он отыскивал меня. И вся группа тихонько ахнула: мы впервые видели его улыбку.

С тех пор прошло уже полгода. Мы теперь больше не сагаи, а серьезные второкурсники. И десять километров пробегаем не так тяжело. Риго по-прежнему носится по утрам вместе с нами по горкам-пригоркам, но группа больше на него не ропщет (почти). Наш Снежный Человек помаленьку оттаял – уж парни постарались. И не пожалели: Риго просто

классный мужик! Нет, он не перестал тиранить нас на зачетах и спрашивает все так же строго. Только мы и сами теперь понимаем, что к чему, и если не получается – не стесняемся у него же просить помощи и совета. Капитан никогда никому в них не отказывает.

А еще с куратором можно в свободное время и в волейбол сразиться, и на вылазку в Виль отправиться – он там такие места знает! А можно просто повозиться в матраснике, выпрашивая тот или иной заковыристый прием из чуть ли не всех единоборств, известных в Галактике. Завершается такое внештатное занятие рукопашкой, когда все намаются и улягутся на маты, разумеется, историями о космических походах. Сантана – рассказчик, каких поискать! А еще – т-с-с! Это секрет! Маузи проговорился кому-то, и Оллик, как всегда, подслушал: Риго подал прошение на мое усыновление. Если задуманное получится, обещаю, что буду самым примерным сыном во всей Вселенной!

Вот такая история. Но она еще не закончена, потому что впереди целых четыре года учебы. И вышло почти так, как мечталось: рядом верные друзья, а куча приключений...

Куча приключений, как оказалось, была не за горами.

[1] Маваши<-гери> чу-дан-< барае> – удар в каратэ, выполняется ногой по среднему уровню тела: грудная клетка, печень и т.д. Юй – готовность (япон.). Риго демонстрирует суггестивную технику «кольчуга», основанную на трансовом

погружении. Она позволяет изменять параметры тела, делая его неуязвимым для ударов противника, но, к сожалению, неэффективна против лазерного оружия.

[2] В конце Квинта – Квинт, пятый месяц от начала года, всего их десять. Время отсчитывается по единому Галактическому календарю. Усредненные месяцы содержат по 40 дней, поскольку большинство пригодных для жизни планет имеют близкие по значению периоды обращения вокруг звезды. Помимо единого календаря каждая планета имеет исторически сложившийся свой.

Боги тоже люди

Пролог

Где-то далеко во Вселенной...

В баре «Путеводная звезда» всегда царил интимный полумрак. Это было маленькое заведение на территории единственного космопорта захолустной аграрной планеты Рави. Здесь никогда не собирались шумные компании. Обычно за столиками, неспешно потягивая крепкие напитки, коротали время офицеры корабельных команд или вечные космические бродяги – частные извозчики, в одном лице владельцы и экипаж крохотных грузовых спейсеров.

Один из них, седой, потрепанный жизнью мужчина, придулившись в углу, смаковал местное пойло, отрекомендованное барменом как «настоящий виски, мамой клянусь!» Наплыв посетителей сегодня не предвиделся. Крупные лай-

неры приземлялись раз в неделю, поэтому, когда хлопнула входная дверь, пропуская статного пожилого астронавта с нашивками старшего штурмана, бармен заметно оживился. Сидящий поднял глаза от стакана, и его продубленное ветрами лицо расплылось в широкой улыбке:

– Стэнли, драть-передрать! Какими судьбами?!

Вошедший поднял руки в приветствии.

– Шон? Вот уж не ожидал тебя здесь встретить! Думал, ты болтаешься где-то в Системе Центавра, – сказал он, подсаживаясь к шаткому столику. – Бармен! Пол-литра виски и что-нибудь закусить!

Тут же подлетел робот-официант. Механическая рука споро переставила на стол граненую бутылку с яркой этикеткой, еще один стакан и блюдо с бутербродами.

Шон плеснул щедро – на три пальца – вонючей коричневой жидкости в оба стакана.

– Давай, Каспар! За встречу! – Они выпили. – Давно с Цесты?

– Да уж месяца три. Мотаюсь, то-се. «Пронзающий» наш отбегал свое, старик уже. Ребята подались кто куда. И я теперь тоже... наземный космический волк, – Стенли грустно вздохнул. – А помнишь?..

Воспоминания потекли своим чередом. Бутыль пустела, а языки уже слегка заплетались. Шон плакался бывшему сослуживцу на трудную жизнь «возилы», поминал нехорошим словом свой последний рейс на Талу с грузом сельскохозяй-

ственных тварей: «нет, ты понимаешь – овечки-овечками с виду, а характер, драть-передрать!», а под конец, понизив голос, добавил:

– Странная вещь, Каспар. Захожу я на Тале в Управление порта с накладными на груз, а из соседней двери... Я ему: «Даниэл? Ты?», а он: «Вы обознались». Да лопни мои глаза! Я поклясться готов, что видел Дана Бирму!

– Шон, а может ты и вправду того... обознался. Бирма с женой сгинули – уже столько лет прошло с тех пор. Вся их экспедиция исчезла, как растворилась! Я летал туда со спасателями... Тот парень, наверное, просто похож на Дана.

– Ну уж нет! Мы с его папашкой десяток лет дружбу вели, пока тот не угробился. Да и после случалось к его семье заходить. Не мог я перепутать, ну никак не мог. Разве что у Дана клон объявился.

– Не бери в голову, а еще лучше – совсем забудь и не болтай. Мало ли...

Стэнли был старым и стреляным космическим волком, у которого чувство опасности развито чуть ли не до уровня обоняния. И сейчас «шерсть на загривке» у штурмана ощутимо зашевелилась. Не понравилась ему новость Шона, ох, не понравилась! Почему – он и сам не смог бы толком объяснить. Интуиция – и все тут. Офицер спешно засобирался, оглядываясь по сторонам, и, прощаясь со старым знакомцем, шепнул:

– Будь начеку.

Через восемнадцать часов корабль класса «Спейсер-3Mf», малотоннажный грузовик, вышел на орбиту Рави, готовясь к гиперпрыжку. Приборы работали нормально, насколько вообще применимо слово «нормально» к выдавшему виды и давно не становившемуся на капремонт звездолету. Но, так или иначе, ничего тревожного Шон не отметил. Мыслями он был уже дома, на Цесте: всего лишь через сутки и два гипера опоры корабля коснутся родной планеты. Мария ждалась. Приземлиться – и прямо к ней, что толку заезжать сперва в холостяцкую берлогу. Да и вообще, жениться, что ли? Старость на носу.

Аппаратура на Рави, сопровождавшая спейсер до начала прыжка с дальней орбиты, отметила внезапное и необъяснимое изменение параметров реактора корабля. Но тревожный сигнал получить было уже некому. Открывшийся гиперканал поглотил вспыхнувшую в мгновение ока звезду взрыва.

Глава 1. Тала

Я – сенсер?! Вот это я попал...

Я устроился на диване в гостиной с миской орешков и портативным ридрайтером. Сегодня мне удалось откопать в кристаллотеке куратора материалы по истории Земли. «Мифы и предания Древнего Рима». Ого! Последнее время я увлекся чтением исторических книг, благо, подборка в

школьной библиотеке файлов была отменная. Но у капитана Сантаны порой обнаруживались истинные перлы. Самому Риго это богатство досталось вместе со служебным жильем. Раньше в коттедже квартировал преподаватель не то истории, не то социологии – старенький подполковник, который тихо скончался в возрасте ста сорока трех лет. Мой куратор сетовал, что некогда прочитав хоть что-нибудь. И действительно: уже давно закончились экзамены, курсанты разъехались на каникулы по домам, а он все где-то пропадает целыми днями. Вижу его только поздно вечером, а в остальное время общаюсь с книгами.

Мне всегда нравилась История Земли. На этой планете зародилась наша, человеческая раса. Позже люди, осваивая космос и спасаясь от перенаселения, разлетелись по всей Галактике. Если честно, я бы с удовольствием побывал «в колыбели человечества». Может, шанс и выпадет когда-нибудь. Я же будущий штурман! Ну, а пока... у-умный буду-у – столько читать!

С началом каникул Риго настоял, чтобы я поселился у него. Я ни в коей мере не возражал: ну что делать в пустой казарме? Думал, вдвоем веселее будет. Ну, и вот оно – вдвоем. Исчезает, пока я еще сплю, на закате является, серый от пыли и усталости, хмурый. Вымоется и рухнет на диван. Где был, что делал – молчит. Расспрашивать бесполезно. Только чаем отпаивать.

Днем я хозяйничаю помаленьку, брожу по школьному го-

родку или тренируюсь в спортзале. И обязательно часа полтора-два в день гоняю воздушный катер под руководством инструктора Перри Део. Через две недели он, я и Сантана отправляемся на Талу, где состоятся соревнования по пилотированию. Я заявлен к участию в состязаниях юниоров, Перри летит как мой тренер, а Риго... ну, у него вечно везде дела.

Тала – большая промышленная планета с интеррасовым населением, наша метрополия. Парни говорили, там очень красиво и есть океаны. Такое количество воды я видел только в голографильмах: дома, на Цесте, дальше приюта не был, а здесь, на Тарсе – сплошной песок. Влагу добывают из недр планеты. Мои наставники хором пообещали, что после соревнований поедem купаться в океане, но я не слишком-то этому рад. Плавать не умею.

Я – если кто забыл – Алекс Бирма, курсант Академии астронавтики, той, что на планете Тарс. Отделение космической навигации. Как раз на третий курс перешел. А Риго, то есть, капитан Сантана – инструктор по астронавигационным премудростям и заодно куратор группы КН-51, к которой я имею честь быть приписанным. Когда я учился на первом курсе, мы с ним друг другу изрядно нервы помотали, а потом... подружились. Да так, что он меня усыновить хотел. Я сирота.

Тала встретила нас шумной, красочной суетой крупнейшего на планете космопорта. Да, это вам не задворки Вселенной! Огромные, завораживающе красивые пассажирские лайнеры и мощные, строгие, как рыцарский доспех, трансгалактические грузовозы садились и взлетали со стартовых площадок каждые полчаса, ведомые суперсовременной причальной автоматикой. А какая пестрая толчея царила в аэровокзале – просто словами не передать! Люди, гуманоиды, рептилоиды, птероиды, инсектоиды, вообще не виданные мной расы сновали туда-сюда, таща, катя или ведя на гравитележках багаж. Я даже подрастерялся в таком много... много... ну, пусть будет – многолюдстве. Пока я хлопал глазами, Перри уже куда-то нырнул, вынырнул и уверенно повел нас через зал к выходу. К чудом изловленному свободному такси.

Молодой таксист-гуманоид мог бы вполне подрабатывать гидом. Пока мы четыре часа ехали от порта до мегаполиса-столицы, Талаона, он, не умолкая, расписывал городские достопримечательности, которые, по его мнению, обязательно стоит посетить туристам. Я его почти не слушал, всю глаза по сторонам из окна машины.

Мы скользили по верхнему горизонту многоуровневой автострады. По ее сторонам то вздымались в отдалении высотные кварталы городов-спутников с причудливой архитектурой, то сверкали всеми оттенками зелени лесопарковые зо-

ны. Поля, сияющие золотым или розоватым цветом и высокие стеклянные купола ферм. Река с ажурным мостом. Снова островки высоток, похожих на кукурузные початки над кронами деревьев. В одном месте среди зеленой кипени я углядел разноцветные крыши и сахарно-белые стены коттеджей. Очень красиво. Как это было не похоже на пыльный, унылый Тарс. Вот так должны жить люди! Ни за что не поселюсь на песчаной планете.

Когда такси подкатило к городской гостинице, у меня уже трещала голова от обилия впечатлений и образов. Я думал, что сегодня мои чувства уже ничто не сможет вывести из полусна. Однако сердце вдруг подпрыгнуло, когда прямо у дверей отеля на шею Перри с визгом кинулась... Ийя. Ну конечно! Я должен был догадаться, что увижу ее здесь. Да, с тех пор, как она прилетала к брату в гости, а я из-за нее наломал дров, прошла вечность!

– Привет, Ийя!

Она отцепилась от брата.

– Алекс! О, значит, погоняем по-взрослому. А я-то уж думала, мне вообще тут достойного противника не найдется. Два сосунка из местной школы, да еще девчонка с Бэри-Докс. Эту не знаю, но на тренировках не блещет. Если завтра не появятся какие-нибудь асы, мы всех сделаем. Но учти, кубок мой!

Вот оно, значит, как. Мое сердце уже не просто прыгало, а выделявало кульбиты. Выходит, я для нее равный? Инте-

ресно, это после моей сумасшедшей экспедиции в горы?

– Ой, Ал, ну не смотри таким... взглядом. В академии ты неплохо показался, это я сдуру решила поддразнить. Знаешь, как мне Перри потом всыпал! Когда ты катер угнал, он же сразу понял, кто виноват. Ну, что – забыли? Мир?

– Мир! – Я облегченно рассмеялся, и произошедшее в Квинте прошлого года показалось несусветной глупостью. Э, а чего это она вдруг напряглась?

Действительно, в тот момент, когда, расплатившись с таксистом и уже успев с кем-то переговорить по коммуникатору, к нам присоединился Риго Ийя словно бы увяла. До этого щебетала без умолку, а тут – как воды в рот. Не иначе ей не только от братца попало. То-то она тогда улетела так быстро.

А капитан на нее и особого внимания не обратил, поздоровался, и все. Зато Перри бросил на сестру острый взгляд и нахмурился. Эге! Что-то тут не так.

Соревнования, как и предсказывала Ийя, особого впечатления не произвели. В юниорской группе было еще восемь участников с близлежащих планет, но действительно чего-то стоили только двое, кроме нас. Собственно, борьбу за первенство сразу мы с Ийкой и повели. Но уж тут летать пришлось без дураков!

В технике высшего пилотажа она меня по очкам обставила, зато в гонке я финишировал первый, обогнав ее на четверть корпуса. То есть, кубок мы чуть не поделили. Но по

решению судей победа досталась ей, а я занял второе место. Ийка прыгала от радости и все подкалывала Перри:

– А кто говорил, что я в хвосте притащусь? Не одному тебе всегда выигрывать!

Мне же она просто призналась потом, что всю жизнь ей приходится выдерживать сравнения с братом. Родители где надо и не надо всегда ставят ей Перри в пример: он, дескать, и учился лучше, и талантливей, и вообще... Надоело быть всегда второй. Да еще и девчонка – смотрят на женщину обычно свысока, мол, что с тебя взять. Я поспешил ее успокоить:

– Подумаешь, сравнивают! По мне – так ты летаешь гениально, будто машина с тобой одно целое.

Ийя смущенно опустила глаза.

– Оно... видишь ли, похоже, действительно так. Я ее чувствую. Слышу. И, кажется, она слышит меня тоже. Я замечала, что с техникой мне ладить очень легко.

А потом было море! Столько воды враз – это после Тарса-то с его режимом экономии влаги. Немудрено, что я слегка обалдел: смотреть мог только туда, где лениво напозлали на бело-серебристый песок стекловитые зеленые волны. Мы встали лагерем в безлюдном месте, невдалеке от нагромождения изрезанных ветрами и водой скал. Почему-то оба

наставника даже не помыслили в сторону цивилизованного пансионата и пляжа с лежаками, зонтиками и колой. Наверное, решил я, и тут продолжается обучение: выживание в дикой природе, вдали от населенных пунктов. Ийка в ответ на высказанную мной мысль расхохоталась:

– Представь, какая толкотня сейчас на «культурных» пляжах и в зонах отдыха! И, главное, всякие правила. Туда не ступи, сюда не плюнь... А так мы сами себе хозяева. Потому и забрались на полдня езды от жилья. Я здесь еще не бывала – это Риго местечко выискал.

Мы с ней отрывались на полную катушку, бултыхаясь в соленой прогретой воде. Я и забыл, что стеснялся своего неумения плавать. С Ийкой оказалось удивительно легко общаться. Мы гонялись в воде друг за другом, орали и хохотали, брызгались и плюхались. Перри дурачился вместе с нами. Только Сантана сидел на берегу со странным выражением лица. Будто что-то его тревожило, но он пока не понял – что. Временами капитан поворачивал голову в сторону серо-желтых, похожих на торчащие из земли клыки скал и то ли всматривался, то ли вслушивался в нечто, доступное только ему.

Спустя пару часов, когда все, наигравшись в воде, улеглись на горячем песке, Риго легко поднялся на ноги.

– Пойду, прогуляюсь в те горки. Занятные они...

– Можно с вами? – я подскочил, хватая одежду. Почему-то в груди заворочалась неясная тревога: не стоит капи-

тану одному в этих горах бродить.

– Мало тебе горных приключений, – Сантана иронически хмыкнул. – Сиди уже!

С тем и ушел вдоль берега по направлению к "горкам".

Он ушел, а я с четверть часа ерзал на месте, маялся, пока беспокойство не замучило меня совсем. Глянув на задремавшего в тени кустов Перри, я шепнул Ийе:

– Я должен пойти за Риго. Это важно!

Девушка нахмурила бровки:

– Ал, не майся дурью! Он скоро вернется.

– Надо. Ну, очень надо, я чувствую! Ий! Прикрой, а?

– А попадешься? Что тогда? – Подруга пыталась меня образумить, но безуспешно. Мы препирались еще несколько минут, после чего я таки выпросил у нее обещание отвлечь Перри, если тот проснется, и что-нибудь соврать. И еще мы обменялись средствами связи. По коммуникатору очень легко отследить местоположение человека с другим коммуникатором, если знаешь его код-"метку". Метку капитана я знал – он сам дал когда-то. Да только и он знал мою. А вот Ийкину – вряд ли. Для Риго – я тихо-мирно сижу в лагере, если что..

Уладив с Ийей и настроив во взятом у нее гаджете навигатор, я рванул по следу наставника. Скалы только казались близкими, а бежать к ним пришлось около получаса. Вдоль берега по мокрому песку. Потом продираться через прибрежные заросли. Потом через поле, заросшее травой по

колени, потом по узкой дороге, потом... Ограда. Блокпост, мать его! Закрытая зона. Хорошо, увидел издали и быстренько свернул в придорожные кусты. Авось, не заметили.

Скалы были вот они – прямо за оградой. И красная точка, в навигаторе означающая местоположение Риги, неторопливо, но без остановок удалялась вглубь закрашенного желтым массива. Я вызвал трехмерное изображение. Ага. Лезет по склону. И зачем ему туда?!

Итак, что мы имеем? Грунтовая дорога упирается в металлические ворота. Рядом с ними – сооружение поста. В обе стороны от ворот – обычный высокий забор из сетки с колючками поверх. Вторым рядом, насколько я знаю, все время меняющие положение лучи в несколько слоев. Около поста парочка солдатиков болтается... А! Еще офицер.

Беспокойство все усиливалось. Нужно туда попасть! Но вот как? Через лучи пролезть – нечего и думать. Если я хоть что-то понимаю, это не та лазерная ограда, что просто сожжет при пересечении периметра. На густозаселенной планете в мирное время ее бы поставили разве что на ультрамегасуперсекретный объект. Но и с этой хорошего мало: мигом отсигналил, шарахнет электроразрядом и – грузите клиента! Единственное место, где можно просочиться – это вход прямо у самого здания. Узкая калитка в ограде, рамка с турникетом. Турникет, скорее всего, гравитационный, и, скорее всего же, в нарушение инструкций, включается лишь по команде оператора. Очень уж много энергии жрет эта установ-

ка... Да, но прямо за калиткой уселись вояки! И мимо них – никак. Ладно, надо подобраться поближе.

Где прячась за кусты, где ползком в траве мне удалось достичь ограды. Хорошо, что тут траву не скосили! Я залег, размышляя, что делать дальше. Время уходило. Риго уходил тоже. И тут судьба послала-таки мне просто ослепительнейшую улыбку.

У офицера заверещал коммуникатор. Он кого-то выслушал и рывкнул:

– С моря нарушение периметра! Какие-то олухи вперлись на яхте. Я – туда! Стефан, со мной, Арно, остаешься!

Выкатив из-за поста два гравискутера, офицер с подчиненным умчались вдоль ограды в сторону моря. А Арно, устав, видимо, сидеть на жаре, поднялся, бегло окинул взглядом пыльную дорогу и ближние кусты. И не обнаружив ни души, ушел в здание поста. И причем не в прозрачную будку, нависающую над турникетом, а куда-то в другое помещение. Уй, ну нельзя же так! Ох, и получит солдатик люлей... Я скользнул к калитке, пригнувшись, бесшумно прошмыгнул на территорию и порысил к скалам.

Каменные громады накрыли меня тяжелой тенью. Будто и не было зноя сияющего дня. Здесь казалось холодно, как в сыром подвале. Между базальтовыми глыбами посвистывали совсем не летние сквознячки. Я поежился, живо вспомнив мою безрассудную эскападу с десантным катером. Тогда – у разбитой машины, на леднике, наступающей ночью... бр-

р!

Я вдруг почувствовал себя неважно. Будто я лечу на качествах вниз и сердце куда-то проваливается. Да что это я разнервничался? Ничего не случится, просто мрачновато здесь. Ну я, оказывается, и псих!

Мне удалось обогнуть несколько криво стоящих каменных клыков высотой с небоскреб, но дальше удобного пути не было. Пришлось карабкаться вверх по россыпи остро-ломанных глыб, ежеминутно рискуя, что какая-нибудь из них вывалится из своего гнезда и покатится вниз, сшибая соседок. Угодить под каменную лавину ну никак не входило в мои планы. Умный в гору не пойдет – гласит древняя пословица. И я бы уже давно ругался на собственную дурь, заставившую меня притащиться сюда, если бы не был твердо уверен: я должен догнать наставника. Мысль о том, что как раз я и могу стать обузой многоопытному капитану, почему-то не пришла мне в голову.

А Риго выбирал путь среди камней вполне целеустремленно, но не так, как если бы шел по знакомой дороге. Останавливался. Смещался в одну сторону. Возвращался. Некоторые места обходил полукругом. Что-то искал? Но темп его продвижения замедлился, и я стал понемногу догонять.

Ширх-ширх-ширх... Где-то рядом шаги минимум трех человек. Спалился?! Че-ерт! у них же наверняка есть система слежения за территорией! Я припустил, как мог, вверх по горе. Может, не сразу меня увидят за нагромождениями

камней?

Я упорно взбирался по склону. Косо лежащие каменные обломки опасно качались под моими ногами. Я ободрал ладони и здорово ушиб колено, поскользнувшись на крутом боку глыбы, но больше всего донимал какой-то непорядок в солнечном сплетении. Словно бы там ворочался крошечный тайфун. Волнение? Чувство постепенно усиливалось, временами даже подкатывала тошнота. Странно...

Они меня все-таки увидели. Несколько долгих минут беготни и криков "стой!", перемежающихся руганью, пара выстрелов в воздух, хрипящее в груди дыхание и норовящие попасть под ногу камни... и я практически влетел в руки Ригго, который внезапно возник из-за валуна. Наставник саркастически хмыкнул:

– Угу. Почему-то я так и думал, – и скомандовал окружающим меня солдатам:

– Отставить! Это мой! Вниз шагом марш и отбой тревоги, с майором вашим я свяжусь.

Капитан вытащил коммуникатор и активировал вызов. После стандартного представления и краткого объяснения ситуации отнес прибор подальше от уха и две минуты стоически молчал. Ну да, еще бы. Из динамика разве что слюни не брызгали. Ясно, местному начальству звонил...

Закончив разговор, наставник повернулся ко мне. Я непроизвольно вжал голову в плечи. Очень захотелось зажмуриться, как в детстве.

Риго прошил меня леденющим взглядом. Дважды молча открывал рот, каждый раз передумывая говорить. Потом все-таки буркнул:

– Дома разберемся. Сейчас я должен закончить кое-что. Мне из-за объявленной тревоги пришлось возвращаться.

Я с надеждой вякнул:

– Ну можно, я все-таки с Вами?

Капитан отвесил мне легкий подзатыльник.

– А куда тебя девать? Теперь придется. Не оставлю же я тебя на режимном объекте одного. Эти – он махнул рукой в сторону уходящих солдат – один раз проворонили и второй могут. Уж лучше на глазах будешь.

На мой вопрос – что он ищет? – Риго ответил одним словом:

– Пещеру.

И замер, прикрыв глаза. А я повернулся и уверенно пошел по склону вверх и вправо. Он догнал, несколько удивленный. Дальше мы полезли вместе.

– Пришли. – Сантана вдруг резко остановился. Я, смотревший под ноги, едва не налетел на него. Прямо перед нами разверзся искаженный мукой каменный рот. Оттуда тянуло сухим холодом и такой жутью, что, казалось, она осязаема. Коловращение за грудиной стало невыносимым. Да что ж это за хрень со мной творится? Это не волнение, и не страх даже!

Я сквозь тошноту прохрипел бессознательно:

– Почему дыра... душу вытягивает?

Капитан, почти вплотную подойдя к пещере, медлил с ответом. Словно бы решал: стоит или нет посвящать меня в какую-то тайну. На такую мою реакцию он явно не рассчитывал, да и сам, похоже, не испытывал видимых неудобств от близости пугающего меня провала. Я на ватных ногах сделал несколько шагов вперед, к нему, и вдруг... Мир вокруг меня завертелся, солнце погасло, а уши заполнила шумящая соленая вода. Я еще успел удивиться: почему соленая? И ответить себе: потому что море.

...Да, море. Вот – и на волнах – вверх-вниз, вправо-влево... Я медленно приходил в себя. Стоп, стоп – какие волны? Я же в горах! А качает... потому что меня несут. Приоткрыл глаза – Риго тащит меня, перекинув через плечо, вниз по склону, и почти бегом. Э, Алька, совесть надо иметь, ты не пушинка! Я дрыгнулся:

– Все, все. Отпустите, могу сам!

Мой наставник осторожно сгрузил меня на плоский валун.

– Как самочувствие? Голова кружится?

Я прислушался к себе. Вроде все нормально. Слегка под ложечкой посасывает. Так и ответил.

– Сколько я пробыл в отключке?

– Минут двадцать. А все-таки, что с тобой? Никогда не поверю, чтобы курсант, привычный к Тарсу, на солнце перегрелся. Заболел и скрыл это? Ну-ка... – Риго вытащил из кармана небольшой прибор с эластичной манжетой и надел мне на запястье. Я узнал девайс: такой штучкой пользовались на медосмотрах Папаша Зум. Аппарат первичной диагностики. Пульс, давление, температура, еще что-то...

– Да не... Честно, я здоров. Я и сам не знаю, почему. Вдруг стало тошно, жутко. Но я же не девчонка, чтобы из-за этого в обмороки падать!

Риго фыркнул:

– Вот бы Ийка тебя слышала! Обиделась бы, – он глянул на окошечки-индикаторы диагноста. – Хм, действительно, все в норме. А я уж прикидывал, откуда катер «скорой помощи» вызывать. Ладно, посиди еще, потом попробуешь тихонько пойти. И я заодно отдышусь.

Капитан опустил на соседний камень.

– Ал! – Риго вдруг резко вскинул голову и в упор взглянул мне в глаза. – А ну, опиши, что ты чувствовал. Это в первый раз?

Я добросовестно и подробно рассказал обо всех своих ощущениях, начиная с беспокойства еще в лагере. И внезапно меня осенило.

– Я... со мной уже однажды такое происходило, когда на Тарс летел. Корабль стартовал в гипер... Но в тот раз было все слабо, под ложечкой засосало и голова чуть закружилась.

Я подумал – просто волнуюсь.

Ригу помрачнел и коротко, но емко выругался. Что происходит? Я ни разу не то чтобы ненормативной лексики от него не слышал, а и вообще – он сдержан, как три буддийских монаха сразу!

– Ну и что мне теперь делать, Алька? – Выражение его лица стало почти жалобным. – Похоже, сенсер ты. Прокоры пространства чувствуешь. Да как! Я – всего-то чуть-чуть, слабенько, с небольшого расстояния. И то тренировался почти год. А ты безо всякой подготовки, за столько километров дыру учуял. Это же она тебя так дергала, а ты подумал, что волнуешься за меня. Пока был отвлечен – особо не чувствовал, да? Когда я уходил, ты сидел спокойно и ничего не делал. Вот и настроился на нее. По склону-то пошел, как по родной казарме...

Наставник помолчал, потом вздохнул:

– Я теперь обязан сообщить о твоих способностях в одну оч-чень непростую организацию. Это значит для тебя – прощай, спокойная жизнь. – Ригу сокрушенно покачал головой:

– Нет, ну надо же было тебе за мной увязаться!

Я напрягся. Если уж такой человек прочит мне нелегкое будущее, стоит задуматься.

– А... нельзя... как будто бы ничего не случилось? Ну – да, заболел, например.

– После того, как ты тут нашумел? Если бы! Это место – после объясню почему – круглые сутки под наблюдением. И

прямо здесь аппаратуры понатыкано, и со спутников... Все пишется. В любом случае твою неадекватную реакцию отследили, и будь уверен, глаз с тебя не спустят. Но все вопросы потом, не здесь.

Расстроенный Риго выудил из недр своего комбинезона коммуникатор и, еще раз тихонько помянув дьявола, активировал вызов какого-то номера. На том конце отозвались незамедлительно. Сантана сжато, по-армейски доложил: кто, зачем. Я из разговора понял только, что он выполнял тренировочный выход к этой пещере. То есть, примерно знал, где дыра, но должен был ее почувствовать. А тут я. Про меня разговор отдельный.

Тем и закончился наш отдых на море. Утром мы с Сантаной вошли в обычное с виду офисное здание на центральной улице Талаона и поднялись на лифте на пятнадцатый этаж, прямо к массивной железной двери, на которой не было ни ручки, ни скважины для ключа. Глухой монолит. Риго приложил ладонь к матовому квадратику на стене рядом с дверным косяком. За металлическим полотнищем загудело, и створки медленно приоткрылись.

– Прошу! – Капитан сделал приглашающий жест рукой. – Называется эта контора «Центр исследования аномальных явлений». Но задачи тут решаются покруче, чем ловля ни в

чем не повинных привидений.

Риго пытался шутить, но видно было, как его все это не радует. Что название вполне безобидное – так, поди, маскировка. Кое-что читал, догадываюсь.

Нас встретил пожилой полковник в такой же, как у Сантаны, коричневой форме Дальразведки.

– Вот ты какой, Алекс Бирма. Я знал твоего отца. Похож, похож... – он опустил на мое плечо широкую ладонь.

– Меня зовут Каспар Стэнли. Мы с тобой побеседуем немного, а потом наши парни проверят тебя на разных штучках. Ну, а после, по результатам и составим разговор конкретнее.

Приказав Сантане зайти в отдел 32-11, Стенли увел меня к себе в кабинет и битый час допрашивал, заставляя рассказывать со всеми подробностями случаи моего так называемого «сверхчувствия». Буквально выжав меня досуха и улыбаясь довольно, как... как кот, наевшийся сметаны, полковник сдал меня на руки двоим молодым техникам в лабораторных белых халатах.

Не буду рассказывать, как и на чем меня «гоняли» – муторно и неинтересно. Но когда поступили первые результаты, вид у парней из недоверчивого трансформировался в восторженный. Один из них схватил ридрайтер, в который они загнали все графики моих альфа-бета и прочих, не знаю, каких уж там ритмов, и помчался к «шефу». Второй принялся отцеплять от моего тела датчики.

– Ну, пацан, ты даешь! Уровень «дельта». Мы давно уже такого не видели. Приходит всякая шелупонь, которая ни черта не может, а приходится брать, учить, натаскивать. Ты же, можно сказать, готовый спец! Чуть-чуть помочь и подучить... – Парень сиял широкой улыбкой.

– А, простите за любопытство, капитана Сантану как классифицировали? Или это секретно?

– Любопытство? Так оно кошку сгубило, между прочим. Сантана так говорит. – Техник замаялся. – С ним все не так просто. Данные обалденные, на «гамму» тянут, но раскрыть их полностью не может почему-то. Словно блок поставлен. Год старается, колотится – а результат более чем скромный. Но подвижки есть, для работы практически готов.

Тут явились Стэнли, второй лаборант и мой наставник. Седовласый полковник просто-таки светился, потирая руки.

– Ну вот, Риго, тебе и напарник. Недельки за две натаскаем – и в дело!

Сантана кинул в сторону шушукающихся техников свой фирменный ледяной взгляд – тех как ветром сдуло. Да и мне капитан больше напоминал себя прежнего, Снежного Человека, которого я в прошлом боялся до икоты.

– Господин полковник! Не считаю возможным включение в операцию несовершеннолетнего ребенка! – его голос зазвучал знакомым металлом.

– Ну, ну, Ри! К чему такой официоз? Ты же все понимаешь: нет у меня времени разыскивать сенса такого класса. А

тут все параметры – блеск, к тому же вы притерлись друг к другу. Ты способен обеспечить ему минимальную безопасность. К тому же, парню семнадцать, и он, заметь, на «ребенка» обиделся. И – в конце-то концов – он обучается не фермерству! Не забыл, где?! – Стэнли подпустил в голос яду. – И чего это я тебе разжевываю? По доброте душевной, не иначе...

Мой инструктор хмуро молчал.

– Короче, не обсуждается. За прохождением подготовки проследишь лично. Третьего члена группы представлю в день вылета. Все, свободен!

Интересно, они забыли, что я тут, или как? И вообще – кто-нибудь объяснит мне, что все это значит? Еще вчера утром я был мальчишка как мальчишка, курсант Академии на каникулах – и вдруг выясняется, что я особенный, да еще и попадаю в какую-то операцию. Бред. Хочу, не хочу, меня не спрашивают. Я затравленно глянул на одного, на другого. Полковник махнул нам рукой, отпуская, крутнулся на каблучке и стремительно вышел из лаборатории. В дверях обернулся:

– Идите к коменданту, все распоряжения относительно вас сейчас отдам.

Риго одной рукой обнял меня за плечи, вздохнул:

– Пошли...

Н-да, гордого Сантану при воспитаннике – при мне, то есть, – незауважительно поставили на место. И возразить не

моги! Служба-с... Оказывается, я не все армейские реалии познал, как вздумал считать, перейдя на третий курс Академии. Прав или не прав – если младше по званию, молчи и не рыпайся, отвечай «есть!» И приступай к исполнению.

Блин! Вроде бы и не виноват, а чувство такое поганенькое... Я легонько тронул капитана за рукав.

– Риге, я постараюсь не доставлять Вам слишком много хлопот. Очень постараюсь, правда. Простите меня, я не хотел.

Он в ответ взъерошил мне волосы.

– Да ты-то при чем?! Я сам грешен по уши. – Он помолчал немного, а потом добавил:

– Это ты меня прости. Смалодушничал, не рассказал тебе всего еще на Тарсе. Для меня работа на Контору – единственный шанс вернуться в космос. При другом раскладе я покинул бы тебя надолго, если не...

Он не договорил, но я понял: если не навсегда. Почему-то по душе словно ржавым гвоздем царапнули.

Две недели я провел в Центре, тренируясь по специальным методикам, оттачивая свой дар. За это время я получил всю необходимую информацию. Конечно, никакое это не научное учреждение, а отделение Службы Галактической Безопасности, в просторечьи – Конторы. Проблема, как ока-

залось, коснулась меня вплотную: уже довольно давно безопасники пытались найти причину необъяснимого исчезновения людей из экспедиций, отдаленных поселений, космических станций. Мои родители пропали при сходных обстоятельствах.

И вот, спустя несколько лет люди, считавшиеся сгинувшими без вести, стали появляться то тут, то там. Преимущественно на густонаселенных планетах с развитой инфраструктурой и активной политической жизнью. Представлялись коммерсантами, путешественниками и т.д. Но... к семьям никто из них не вернулся. Мало того, прежние знакомые, случайно встретив их на других планетах и узнав в лицо, как правило, тут же погибали в несчастных случаях. Но информация все равно просачивалась, теми или иными путями достигая сотрудников Службы. И в это же время были обнаружены первые Дыры.

Через год-полтора исследований, агентурной работы и тайных акций картина стала проясняться пугающим образом. Кто-то, используя захваченных людей, проникает к нам из-за барьера нашей реальности.

С тех пор, когда мы научились ходить в «гипере», ученые не раз выдвигали гипотезы о существовании вложенных друг в друга пространств, и даже предполагалась их населенность собственными формами жизни. И теперь все теоретические построения внезапно получили реальное подтверждение. Помимо ученых, безопасники Галактики буквально

сбились с ног, разыскивая и ставя под наблюдение каналы, пробитые от «них» к нам.

Что от этих "пробоев" ждать — пока не особо понятно. Несколько раз фиксировали около уже найденных каналов энергетические всплески, но и только. Захваченные псевдолюди впадают в оцепенение, не отвечая ни на один вопрос. Словно зомби. А Дыры аппаратно не регистрируются. Никаких вам скачков напряженности полей, никаких излучений, возникающих в момент открытия нормальных гипер-порталов. Мало того, внутрь не может проникнуть ни механизм, ни живой объект. Вначале физика в них, образно говоря, сходит с ума. А потом их разворачивает в пространстве обратно. Для живого — смертельно.

В общем, приборами канал не засечь. Чего нельзя сказать о человеческом восприятии. Люди, наделенные некоторыми способностями, определяют червоточины в межпространственном барьере довольно легко. Зависит только от класса сенситива, на профессиональном жаргоне — сенсера. Самым высоким считается «альфа», которого никто никогда живьем не видел, но теоретически он возможен. Предположительно, таковой был у древних чудотворцев (вроде Христа, например). Дальше по убыванию: «бета» и т.д. Всего десять позиций. Так что, заполучив «дельту», безопасники имели все основания прыгать от радости.

Так вот, у каналов, или, как их называли официально, позитрон-туннелей, есть одна обязательная черта: все они «на-

шим» концом выходят в безлюдной гористой местности, при наличии природных пещер. И еще неподалеку непременно должен располагаться очень большой водоем. Как, почему – ответов, естественно, нет. Но уже легче. Редко бывает, что вся планета покрыта горами. Как правило, несколько основных хребтов. Минус те, где рядом нет воды. Минус места, слишком высоко расположенные: на уровне начала ледников не нашли ни одну «норку».

И все равно – иголка в стоге сена. Вот тут и нужен поисковик вроде меня. Чтобы на несколько километров, пролетая, например, в катере, мог «учуять» и указать направление. Взять след. Потому и ищут сенсеров по всей Галактике, и тренируют не один месяц, дотягивая до нужного уровня. На Риге тоже поставили, видать, а он никак.

Куда нас пошлют, я не представлял. Все тут секретно. Знал, что будет еще один член команды, по специализации пилот. Хотя мы оба водить катера умеем недурственно. Но положен летун – значит, положен. Начальству виднее.

Странно, я вовсе не ощущал присущую моему возрасту тягу к приключениям. Случалось мне в детстве читать книги про подростков, так там они из кожи вон лезли, чтобы куда-нибудь вляпаться. Вот и мне полагалось бы пребывать в восторженном нетерпении. Не тут-то было. Грустно становилось от мысли, что невесть сколько времени стану болтаться по глухим уголкам планет, вдали от друзей, от Академии, которая стала мне родным домом. И Ийю не увижу долго-дол-

го. Даже письмо ей настучать не смогу. Утешает только то, что Риго, мой старший друг и наставник, будет со мной. Если б нет, вообще бы взвыл.

"День отлета. Вещи собраны, снаряжение получено. Скоро автобус увезет нас в космопорт, откуда мы обычными пассажирами на трансгалактическом лайнере отбудем в наш поиск. Нас ждет планета Кали». – Так записал я в тот день в своем дневнике. И подумал при этом: "ждет, как же!"

Мы стояли в кабинете Стэнли, получив последние инструкции и напутствия. Только Сантана произнес: «разрешите идти?», как в дверь робко постучали, и она осторожно приоткрылась. Полковник заулыбался и махнул рукой, кого-то подзывая.

– Ребята, знакомьтесь, ваш третий. – Его улыбка была хитрой-хитрой, глаза смеялись. Мы как по команде обернулись. У меня отвисла челюсть. На пороге, одетая в дорожный полуспортивный костюм, стояла... Ийка! Стэнли в десять шагов пересек кабинет и за локоть подвел ее к нам.

– Представляю: пилот, сержант Ийя Део, выпускница Та-лаонской женской летной школы, аттестат с отличием. Победитель недавних соревнований по пилотированию. Девушка-мечта... Ри! Не вздумай спорить! – тут же предостерег он, потому что Сантана, наплевав на присутствие вышестоя-

щего по званию, со стоном опустился на ближайший к нему стул и картинно схватился за голову. Начальник крутнул нам с Ийей пальцем, мол, брысь. Мы выскочили за дверь, но, памятуя о полезности проделок Оллика, оную дверь я прикрыл неплотно. И услышал:

– Что я буду делать с двумя тинэйджерами? За ними только и следить, как бы куда не вляпались?! – Мой наставник все-таки вздумал спорить.

– А чем ты четыре года занимался? Будто твои курсанты никуда не совались! Нет у меня выбора: сверху давят, готовых кадров – мало. И так уже задержали отправку очередной поисковой партии. А тут в течение недели – сразу двое кандидатов! Кстати, если бы старался получше – еще в Кварте[1] мог улететь. В обычной группе из взрослых мужиков, вот их бы и строил. А девчонка настырная! Думаешь, я не пытался отговорить? И просилась она именно к вам. Ну сам посуди: у меня в основном народ молодой, горячий. К кому я могу ее поставить в тройку и быть уверенным, что эту валькирию не попытаются тут же затащить в койку, а она в ответ не поубивает нахрен! Нам дело делать надо, а не страсти-мордасти разводить.

– Ну, так не брал бы! Ты начальник или кто?! – огрызнулся Риго.

Стэнли рассвирепел:

– А ну, встать! Смирно! Мне решать – что бы я делал, а что нет! Я твое вольнодумство терплю до времени, а могу

ведь и впаять по полной! Не посмотрю, что ты у меня на «Пронзающем» правой рукой был...

Потом добавил уже более миролюбиво:

– Не могу не взять. Нет причин отказывать. Совершенно-летняя, специализация нужная, подготовка на уровне. И по нашим параметрам весьма подходит. Тоже непростая девочка. Не ты и не Алекс, конечно, но класс не из последних.

Риго вылетел из кабинета, стиснув зубы. Мы дружно прикинулись ветошью, дабы не попасть случайно под горячую руку, но он только мотнул нам головой, без слов приказывая: «за мной!»

Глава 2. Кали

Хорошо, что я умею драться...

До Кали добирались трое суток. Почти все время мы с Ийей проторчали в общем салоне, где стенами служили огромные экраны. На них с камер внешнего обзора выводилась проекция космической бездны, окружающей корабль. Впечатление, будто сидишь на открытой палубе. В прыжках, разумеется, ничего не видеть: тьма, и все. На время гипера включалась запись.

Мы утопали в удобных мягких креслах, грызли соленые орешки и болтали, болтали без умолку... Судьба не могла сделать мне лучшего подарка! В глубине души я посмел надеяться, что присоединилась к нам девушка... из-за меня.

Ийка рассказывала о своем детстве, о планете, на которой выросла, о подружках в летной школе. О том, как вдрызг разругалась с братом, объявив о решении поработать на Контору и отправиться в поиск. А я в свою очередь смешил ее историями из жизни курсантов Академии. Упомянул и о наших с наставником «терках» на первом курсе, и о примирении группы с Сантаной.

– Риго – мужик неплохой, правда, суровый. Но гоняет не по злобе, а по необходимости. Вот раньше ему в глаза смотреть было страшно. Такой взгляд, аж нутро вымораживал!

– Да, – девушка погрузнела, – Перри рассказывал, что у Риго в Овийском мятеже погибла семья. Понятно, с жизнерадостностью у кэпа проблемы. Но я не ожидала, что он так ко мне отнесется. За все время ни слова, будто меня и нет.

И действительно, Риго закрылся в своей каюте. Появлялся в салоне-ресторане, быстро закидывал в себя еду и снова прятался. Я не понимал, что происходит, а расспрашивать боялся. Чувствовал, нарвусь.

Кали встретила нас мрачностью и холодом. Я привык к Тарсианской дневной жаре, не спадающей даже зимой. Да и на Талу мы прилетели в лето. А здесь наступила промозглая осень. В воздухе висела водяная пыль, резкий ветер порыв-

вами гнал жесткие кожистые трубочки, облетевшие с местных... деревьев?

Пока мы шагали по разбитой пластолитовой дорожке к аэровокзалу, под ногами похрустывал тонкий ледок. Вчера прошел дождь или мокрый снег, а ночью приморозило. Серость и унылость сразу испортили настроение, единственными яркими пятнами в окружающем пейзаже виделись кустарники, высаженные вдоль здания вокзала. Да и люди, словно чураясь радостных расцветок, были одеты в грязно-коричневое, серое, черное...

У Ийки куртка на пуху, а мне в армейской межсезонке было зябко. Но я держал форс, сколько мог. Косился на громады тяжелых туч и стискивал зубы, чтобы не стучали. Поэтому в двери терминала вошел со вздохом облегчения.

Риго, всю дорогу поглядывавший на мои ухищрения, отослал нашу напарницу узнать, когда будет «ближайшая телега» до города. А сам вытащил из сумки толстый свитер и заставил надеть поверх моего под ветровку. Ну, вот, начинается! Не успели прилететь, а я уже показал себя сопляком, о котором надо заботиться. Не сообразил надеть термобелье, а ведь передавали же перед посадкой сводку погоды!

Прежде чем мы сели в междугородний автобус, капитан придержал нас обоих за плечи и произнес с расстановкой:

– Кали – криминальная планета. Без меня никуда не ходить, рот не разевать, с местными не сцепляться. Здесь неприятности заработать – раз плюнуть. Особенно касается

тебя, сержант. — Риго по-прежнему был с Ийкой холоден до предела. Да и в отношении меня опять перешел в "режим заморозки". До самого вечера, пока мы устраивались в городе, связывались с местным отделением Конторы и решали насущные проблемы, он только отдавал лаконичные распоряжения, не снисходя до праздных разговоров.

Наутро нам предстоял первый «боевой вылет». Намеченный еще на Тале маршрут включал в себя обследование трех районов по эту сторону экватора и четырех — по ту. Здешние безопасники подготовили для нас большой пассажирский катер. К моему удивлению, это было единственное, чем местные нам смогли помочь. Хотя катер оказался удобным: в таком можно не только с комфортом летать на большие расстояния, но и при случае даже заночевать. Что было нелишним, по холоду перспектива спать в палатке никого не радовала.

Мы болтались в горах третью неделю. Два района в этом полушарии оказались вполне благополучными, оставался последний. Сантана и Ийя, сменяя друг друга за штурвалом, почти на бреющем полете петляли в скальных лабиринтах, а я превратился в живой индикатор. Я очень устал от напряженного "вслушивания", голова болела непрерывно, но ни разу у меня не возникло знакомого тошнотного ощущения.

Я даже начал сомневаться в своей профпригодности.

И моральный климат в нашем маленьком коллективе тяготил. Капитан с нами почти не разговаривал, распоряжения требуя исполнять беспрекословно. Ийку в упор не замечал во всем, что не касалось основных обязанностей. Она же делала вид, что все в порядке, но однажды ночью я вроде бы слышал подозрительные всхлипывания...

Я в противовес командирской деспотии старался изо всех сил облегчить ей жизнь, а себя успокаивал: «Ну, а чего ты хотел? Развешивать сопли не позволялось и в Академии. А тут от нас зависит... Один бог знает, что зависит!» И поговорить было некогда, работа занимала все время. Одно радовало: третья зона располагалась гораздо южнее, и здесь погода радовала почти летним теплом.

Мы решили не базироваться в населенных пунктах, чтобы не терять время на перелеты туда-сюда и жили по-походному. Утром быстро сворачивали временный лагерь, грузились в катер и до темноты прочесывали окрестные горы. Местность здесь была дикая и безлюдная, наша маленькая команда забралась далеко от жилья. До ближайшего города пришлось бы лететь часа два.

Горы бесформенными волдырями бугрились из земли. Старые, источенные ветром и водой, заросшие по склонам невысокими деревьями, похожими на фонтаны полых кожистых трубок. Вдоль каменистых проплешин и осыпей цеплялись за скудную почву кустарники с глянцево-оранжевыми,

словно крашеными листьями. Во время кратких приземлений на отдых я падал в мягкую, по-осеннему жухлую траву, Ийка валилась рядом. И десяток минут мы лежали молча, наслаждаясь отдыхом и тишиной, которую нарушали только шум ветра в трубчатых кронах, шелест листвы, да писк и стрекотание мелких тварей.

Насколько я успел посмотреть в Калианской Единой Инфосети – никакого опасного зверья на планете не водилось. По крайней мере, в тех районах, где предстояло побывать нам. Но вот что касается людей...

Кали открыта недавно. Заселена не слишком густо. Потому что... Короче, это планета ссыльнопоселенцев. Суровый климат, постоянные конфликты с аборигенами и прочие трудности сделали её неинтересной для туризма и отдыха и не особо комфортной для проживания. Осваивалась она ради урановых рудников. Промышленность переселенцы почти не развивали из-за скудности недр на другие ценные ископаемые. Кали числилась сырьевой планетой.

Но зато сюда не первое десятилетие ссылались осужденные, бежали люди и нелюди, имеющие нелады с законом. Известно всей Галактике – с Кали выдачи нет. Этакая пиратская республика, где на законы плевать хотели, а без оружия не выходили из дома. В крупных городах полиция худо-бедно справлялась с наведением порядка, по крайней мере, перестрелки случались не каждый день. Но в провинциальных «таунах» всем заправляли бандитские "семьи". Мафия. Куп-

ленные стражи порядка не лезли не в свои дела.

Мы прочесали оба массива третьей зоны, но ни одного подозрительного места так и не обнаружили. Здесь делать больше нечего.

Ийка посадила катер возле рощицы на пологом склоне, спускающемся к большому озеру. Вечерело. Решено было сегодня в обратную дорогу не трогаться, а немного отдохнуть и до ближайшего города добраться с утра. Мы с Иией с удовольствием бродили вокруг катера, разминая ноги, затекшие от долгого сидения в ложементах. Капитан пристегнул к поясу лучемет.

– Пойду, поищу сухую лесину для костра. От катера не отходить, друг друга из виду не терять.

Мы все получили оружие, в катере ждали своего часа еще два лучемета-лазерника, а на ремне у каждого из нас висел пистолет. Но сейчас, решив в отсутствие Риго ополоснуться в озере, девчонка скинула с себя куртку вместе с оружием. Следом в траву полетела рубашка. Меня подруга давно перестала стесняться, в походной жизни не до застенчивости.

Оставшись в брюках и лифчике, Ийя направилась к озеру мимо колючих охристых бурьянов, спутанными шарами заполонивших берег. Она прошуршала в стеблях высоченной жесткой травы, и вскоре донесся легкий плеск. За стеной

травяных зарослей то появлялась, то исчезала голова подружки. Наверное, она наклонялась, чтобы зачерпнуть воды

А я уселся у катера спиной к роще и, время от времени поглядывая в Ийкину сторону, принялся ковыряться в коммуникаторе. Утром я очень неудачно его уронил, отлетела панель, вывернулся и никак не хотел вставать на место блок памяти.

Ремонтировать девайс оказалось делом нелегким. Я так отвлекся, что не обратил внимания на близкий посвист двигателей и даже не сразу среагировал на вскрик напарницы. А когда в следующий миг подскочил, хватаясь за пистолет, на мою голову обрушился тяжелый удар. И – дальше провал.

Я очнулся от сверлящего голову гула. Связанные руки онемели. Связанные?! Мой затуманенный взгляд скользнул вокруг. Темно. Не полностью, а так, сумрак. Покачивается. Негромко свистят двигатели. Под щекой жесткий ребристый пластик. Ага. Я в багажном отделении чьего-то летящего катера. Не нашего, это точно. В груди полыхнула тревога. Йика! Где Йика?! И где Риго? Неужели, тоже попался? Или его... Я усилием воли отогнал страшную мысль. Не таков мой наставник, чтобы дать застать себя врасплох.

– Алька! – сквозь шум моторов пробился громкий шепот. Я едва смог повернуть раскалывающуюся голову. Слава

богу, подруга жива! Поджав ноги, сидит в углу отсека, за наваленными тюками. Руки тоже связаны и примотаны к корпусной распорке. Видать, так просто Ийя не далась, повоевала! Я смог перекатиться к ней поближе.

– Что это было? Кто нас?

Подруга захлебнулась бешенством:

– Ублюдки! Навалились втроем! Думала, тебя убили, а меня... а потом тоже... Сволочи! Твари...

– Тихо, тихо, услышат! Успокойся.

Ийя всхлипывала, ее била крупная дрожь, испачканное лицо исказила гримаса ярости. Девушке понадобилось несколько минут, чтобы кое-как взять себя в руки и заговорить членораздельно:

– Наверное, бандиты. Летели мимо. Увидали катер и решили поживиться. А тут я в неглиже, как в лучах прожектора. Так на меня сразу и кинулись. Дура я. Пистолет надо с собой даже в кустики брать!

Она дернула руками и скривила лицо: наверное, путы врезались в запястья и причиняли боль.

Я ужаснулся:

– Ийка, они...

– Да нет, нет. Ничего мне не сделали. Даже не били. Может, и хотели, но их главный на них рывкнул. Видно, у него насчет меня своя выгода наметилась. А катер угнать у них не вышло! – Ийя усмехнулась. – Заводили, заводили... да фиг там! Если я мысленно прикажу, движок не заработает. Так и

бросили, только грабанули по-быстрому.

Да, подруга еще на Тале обмолвилась, что может ментально воздействовать на электронные схемы. Наверняка у Стенли ей помогли развить этот дар. Но меня сейчас интересовало другое: что с Сантаной?

–Ий! Как думаешь, Риго жив?

– А то! Стрельбы в лесу я не слышала, а подойти к нему незамеченным –дохлый номер. Поди, далеко ушел и не успел добежать назад. Вот что, Ал! Нам нужно договориться, чтобы врать одинаково, когда допрашивать начнут. Скажем, что мы местные и нас только двое.

Риго нас найдет. Дали нам кое-что на такой случай. У Ий-ки маячок в сережке, и у меня на ухе каф... у, блин, кажется, потерял!

Закатное светило в проеме грузового люка показалось невыносимо ярким, привыкшие к темноте глаза сами собой зажмурились. Ийку, а потом и меня грубо вытолкнули из катера и погнали по узкой тропинке. Из-под ног заскакли вниз мелкие камешки. Наконец проморгавшись, я попытался понять, куда нас занесло. Тропинка круто поднималась по каменистому склону высокого холма, вокруг безо всякого порядка высились разномастные строения. Поселок – не поселок, городишко – не городишко. Отлитые из бетони-

та коробки, угрюмо глядящие провалами окон соседствовали с металлоорганическими трубами оград, ошестинившихся по верху колючими лучами. Кучи хлама подпирали стены неказистых сараев, сложенных из чего придется – из камня, обломков того же бетонита и даже из древесины. Все вместе это походило на неопрятное гнездо птеров[1], непонятно как прилепившееся к горе. Правда, ближе к вершине дома приобретали вполне цивилизный вид. Разглядывая, кхм, ... пейзажи, я зазевался и тут же получил увесистый тычок в спину прикладом. Сволочь, моим же лазерником!

Наполовину раздетую, дрожащую от холода и гнева Ий-ку под дружный гогот втокнули в ближайшую дверь. Оттуда на мгновение выглянула накачанная страхолудина, вроде бы женского пола. "Дама" невнятно ругнулась и с силой захлопнула створку.

До меня долетели обрывки разговора. Говорили на немного искаженной интерлингве, но я все понимал.

– Девка хороша, ничего не скажешь. Товар в кондиции. А щенок мне зачем?

Я повернул голову на звук, напрягая лопатки и ежесекундно ожидая нового тычка. Заросший по самые глаза неухоженной бородой дядька, похоже, главарь захватившей нас банды, беседовал с высоким, грузным человеком, одетым слишком прилично для этого бедлама.

– Парень крепкий, не неженка. Не может быть, чтобы великий Глен не определил ему занятие! – Бородач явно лебе-

зил. – Я и прошу совсем недорого. Всего двадцать маткали!
– Да ты в уме? Десять, не больше! Или вообще забирай ушлепка.

Вот так влипли мы! Я вспомнил это имя: Глен. Шарясь в Информационной Сети, я просматривал файлы, в которых упоминались основные бандгруппировки на Кали. Глен возглавлял одну из мафиозных «семей», занимающихся работорговлей и содержанием нелегальных игорных притонов. И сейчас нас только что продали в рабство.

Веселенькая перспектива! Ийку, скорее всего, в дом развлечений, а меня? В шахту? Или на производство наркоты? Риго отыщет и выручит мою подругу – в этом я не сомневался. А вот найдет ли он меня? У меня-то кафа-маяка больше нет... И доживу ли? О человеке, за которого заплатили всего десять маткали – месячный заработок мелкого клерка в местной валюте – трепетно заботиться не будут.

«Крестный отец» здешней мафии махнул толстой короткопалой рукой. Меня подвели к нему поближе. Глен уставился цепким взглядом, потом отвернулся и процедил в сторону продавца:

– А ты уверен, что вслед за этим крысенышем не прибегут проблемы? Что он там делал вдвоем с девчонкой? И не было ли еще кого?

Бородатый бандит осклабился:

– Да ясно, чем они там занимались! Зачем бы девка разделась, а? А в лесу наши никого больше не заметили...

– Ты! – Глен снизошел до меня. – Кто таков, откуда? Какого черта там оказался?

Я помедлил, вспоминая детали придуманной Ийей "легенды". Один из моих охранников, шибко рьяный, видать, решил выслужиться. Заорал: "Отвечай, скотина!" и махнул кулаком, целя мне в зубы. Мое сознание в этот момент было отвлечено, но тело, натасканное двумя годами обучения, само уклонилось от удара. Кулак просвистел рядом с ухом, детина изумленно крикнул и повторил попытку. Я сместился в сторону совсем чуть-чуть, причем не торопясь. Но этого оказалось достаточно, чтобы охранник снова промазал. Мужик начал наливаясь дурной кровью. Глен с интересом наблюдал.

Ладно, руки связаны, но ноги-то у меня остались свободными! На следующий замах я ответил пинком. Точный удар в пах заставил бандита взвыть и скорчиться. Я же похолодел: дошло, что натворил. Сейчас меня ка-ак... Но главный мафиози щелкнул пальцами, и дурака-охранника под руки вдернули за спины окруживших нас головорезов.

– Да ты, парень, не промах! – Глен засмеялся. – Так кто ты такой и откуда?

Я назвал ближайший город, хорошо, что вспомнил... Сказал, что угнал катер, чтобы покатасть свою девчонку. И что катер сломался, а мы не смогли вызвать помощь. Это уже не проверить. Ийка сказала, придурки первым делом разбили наши коммуникаторы. Чтобы нас не отследили по ним.

Босс довольно благодушно выслушал мою "легенду". Усмехнулся бородатому:

— Ладно, черт с тобой! Двенадцать! Выпущу в первом круге, для разогрева публики. Может, пару минут и продержится...

Больше бить меня никто не пробовал. Отвели в низкий, сложенный из плоского камня сарай, развязали руки, пихнули на подстилку из мягкого пенистого пластика и даже поесть дали. Но пристегнули за ногу толстой цепью. Впечатлились, дьяволы! Что же мне уготовили? Что за первый круг? А есть еще и второй? Хотя, судя по всему, мне это будет уже без разницы.

Свет, сочившийся в щели неплотно подогнанной двери, постепенно тускнел, пока не иссяк вовсе. Ночь навалилась сырой темнотой. Я повздыхал, поерзал, устраиваясь на "пенке". Усталость и нервное напряжение давали о себе знать, клонило в сон.

Но только мне удалось пригреться, скорчившись на пластике, как дверь бухнула, открываясь. Несколько темных личностей, светя фонариками, ввалились внутрь, пинок под ребра мигом прогнал дрему, звякнула снятая с ноги цепь, и меня куда-то потащили.

Вволю наспотыкавшись во мраке на каменистых тропинках, я оказался внутри высокого здания. Мгновенно зажмурился: было слишком светло для привыкших к темноте глаз. И рвал уши ор множества глоток.

Меня вытолкнули на середину пустого пространства под крики и свист. Щурясь, я кое-как разглядел окружающую обстановку. Трибуны, толпа машущих руками и вопящих людей, отделенная лиловыми портьерами лежа прямо напротив, прожекторы, а вокруг меня... Да это же ринг! От прошедшего понимания ноги сделались ватными.

Это – бои без правил. Схватки, часто со смертельным исходом, запрещенные на большинстве планет Галактики. По коже продрал мороз. Шансов нет, если не случится чудо. Глаза уже привыкли к ослепительному сиянию огромных ламп, и я смог рассмотреть сидящих в ложе. На лучшем месте в кресле развалился Глен, вокруг переговаривались какие-то важные мужчины, а немного справа, на самом виду наручниками к столбу была прикована... Ийя! Вот, значит, как. Приз в нынешних состязаниях. На Кали, погрязшей в пороках и вырождении, мало красивых женщин.

В моей груди вскипело отчаяние, так погано и беспомощно я никогда себя не ощущал. Приз! Даже если Риго успеет нас найти, ему ни за что не отбить Ийку сейчас, во время боев. Охрана попросту расстреляет его при попытке. А потом девушка достанется победителю нынешних состязаний, какому-нибудь грубому вонючему громиле. И я ничего не могу сделать! Ни-че-го! Вряд ли даже доживу до конца первого круга.

Внезапно трибуны взвыли. Я обернулся. На квадратный помост, где стоял я, неторопливо, с ленцой поднимался муж-

чина. Молодой, наверное, ровесник Перри. И такой же широкий в кости, крепко сбитый. Один раз приложит, и я не встану. Ладно, ладно, только успокоиться, только не паниковать. Риго учил искать преимущество... Мое преимущество в гибкости и скорости. Вряд ли при таких габаритах противник очень подвижен. Успокоиться, успоко... Гонг!

Первый удар я чуть не прозевал. А то бы он стал сразу и последним. Парень оказался рядом чересчур быстро, я едва отскочил. А он явно не собирался давать мне форы! Выпад в голову и тут же следом атака в корпус, в солнечное сплетение. Уф, едва успел отбить и уйти в сторону! На рефлексках, защиту от этой связки Риго мне буквально вдолбил. Чуть ли не первой...

Я блокировал, уклонялся и старался все время держать дистанцию, не пуская противника в ближний бой – так у меня оставалась возможность маневра. И постепенно заметил, что парень редко и... неуклюже бьет ногами. Мелькнула догадка.

Скорее всего, изначально он – боксер. Забрехала слабая надежда: я легче, моложе, долго гоняться за мной он не сможет, выдохнется. Тогда появится хоть малый, но шанс.

Несколько долгих минут мы кружили по рингу под оглушительный рев зрителей. Только бы не ослабить внимание, только бы не дать себя достать прямым ударом. Только бы не...

А потом – боец начал уставать или просто замешкался, но

я не имел права ошибиться. Мгновенно покрыв разделяющую нас дистанцию «метелкой»[2], я подсек его и тут же сам оказался сверху тяжело упавшего тела. Нечего было и пытаться вырубить противника ударом кулака. Я сильно сжал его коленями и взял пальцами за горло. Крепко взял. Бедолага захрипел и дико забился подо мной. Потом обмяк, задыхаясь. Я видел только его глаза: расширенные, молящие. Трибуны стонали. Я должен... убить?! Не могу! Я не могу! Гонг... Я разжал пальцы. И еще пару мгновений тупо смотрел на потерявшего сознание бойца. Потом встал, покачиваясь. Не обернувшись, с опущенной головой побрел с ринга. Вниз, по ступеням. Там меня перехватили давешние охранники и вывели из зала. До следующего боя.

На этот раз меня не потащили в каменный сарай, куда забирали раньше, а сунули в клетку по соседству с залом для боев. От решетки до решетки – метр, только чтобы сесть или, скрючившись, лечь. Рядом, стенка к стенке, стояли подобные клетки, занятые такими же, как я, беднягами. Некоторые пустовали. Я подумал: уже пустовали. Сколько раз мне удастся вернуться сюда?

Замок на двери из стальных прутьев брякнул, отделяя меня от остального мира. Охранники ушли, и без их фонаря все погрузилось в ночную тьму.

– Эй, парниш-шка! Да, да, я тебе говорю! – слева послышался сиплый шепот. – Я тебя раньш-ше не видел.

– Сегодня схватили... Вы кто? Вы здесь давно?

В почти полной темноте я разглядел некое шевеление возле решетки в соседней камере.

Мой собеседник, лица которого я не мог разглядеть, засмеялся. Странно так, словно пузыри по грязи начали лопаться: «хлеб-хлеб».

– Здес-сь, дружок, долго не живут. От ринга до ринга. Бои прох-ходят раз-с в два мес-сяца. И половина мяс-са не возвращ-щается. Мне повезло. Я попал в другую половину. Мы – гладиаторы, мальчик.

– Здесь быются рабы? Как в Древнем Риме?

– Я, знаеш-шь ли, о ваш-шем Риме, или как его там, понятия не имею. Я рептилоид, малыш-ш. Тут наловлено всякой твари по паре, публика любит ос-стрые ош-щущения. В основном, конечно, здес-сь невольники, но находятся и с-свободные любители ломать кос-сти. Их, понятно, с-сюда не с-сажают... – собеседник опять забулькал-засмеялся. – Куш-ш больш-шой. Для рабов, если победят во вс-сех четырех-х кругах-х – женщ-щина для гуманоидных рас-с или лучшие условия для негуманов. До с-следующих боев. Комфорта-бельная тюрьма, хлеб-хлеб! Для с-свободных – рабыня или деньги. Только, хлеб-хлеб-хе, не знают они, глупые – кто же их с-с этим отс-сюда выпус-стит! Так и ос-станутся бойтс-сами у Глена. С-ставки-то тут... Куриц, нес-сущих золотые яйтс-са, закрывают в золотые клетки!

Соседа увели, и назад он не вернулся... За мной тоже вскоре пришли.

Сначала моим соперником была синекотая женщина. Бывает же такое страшилище! Я успел удивиться, прежде чем схлопотал хлесткий удар ногой с разворота. Да, это не плечистый, тяжелый увалень. Тут скоростью и гибкостью не возьмешь, в этом мы, как минимум, равны.

Ох, и побегал я от нее! Пинала меня по всему рингу, как мячик. Но, спасибо всем моим наставникам, держать удар худо-бедно научен... И все же я ее подловил. Чисто случайно вышло: выкручиваясь из захвата, зацепил за лифчик, а тот возьми и тресни! Только застежки посыпались. Зал просто встал на уши! Девушка лишь на секунду опустила взгляд, но мне и этого хватило: мигом оказался у нее за спиной и обезвредил отчаянную амазонку. К моему счастью, зал не потребовал немедленно ее придушить. Это что же – я прошел второй круг?

Выходя на ринг в следующий раз, я ожидал, что соперником окажется негуманоид. Просто по логике вещей. Но фигура в центре круга была явно человеческой, а когда я проморгался от слепящего света, то ахнул! На арене, глядя прямо мне в глаза, застыл... Риго. Я поднимал ногу на ступеньку медленно-медленно. Сантана гипнотизировал, я будто бы окунался в бездну. Но там было не страшно. В голове сама собой сложилась мысль: я не должен показать, что знаю его.

Нет, каков! Выбрал вариант, который при успехе несет самое простое освобождение Ийке. Если капитан победит, то получит девушку в награду, и ему не придется устраи-

вать войну, освобождая нашу напарницу из лап какого-нибудь монстра. Если победит... Не выиграет Риго в турнире – нам тогда хана. Впрочем, в боевых искусствах он дока.

Да! Но сейчас-то драться с ним мне! А вдруг публика заставит убить меня?! Все это промелькнуло в голове, пока я делал три шага по лестнице, ведущей на помост ринга. Гонг!

Риго не отрывал губокого темного взгляда... И я вдруг снова оказался в Академии, в нашем спортивном зале на стареньком залатанном татами. Как на первом курсе: стойка – блок, поворот – уход. Сто раз повторял, почему бы не сделать и сейчас? Нырок – уход... освобождение от захвата, удар. Я был спокоен, ни азарта, ни страха, ни злости. Зачем, если это учебный бой? Сейчас Риго хлопнет в ладоши и скажет: на сегодня все...

Меня выбросило на поверхность, словно пустой пластмассовый баллон с глубины – так быстро всплывает, что аж подсакивает! В уши снова хлынул гул трибун, сердце заметалось в груди. Сантана досадливо скривился, неуловимым движением скрутил меня так, что не пикнуть и прижал к полу. На мгновение его губы оказались у моего уха:

– Замри! Притворись!

Я понял. И с готовностью изобразил глубокий нокаут. Не подавал признаков жизни, даже когда меня тащили вниз по ступеням, хоть и стучался пребольно.

На улице окатили водой и я сделал вид, что очухался. Впрочем, притворяться не пришлось, видок у меня был, на-

верное, подходящий. Ошарашенный. Это что же – Риго и такое умеет?! Да, себя вводить в суггестию у капитана получалось, взять ту же «кольчугу». Значит, он мог нас, мальчишек, как удав – кроликов? Но ведь ни разу не применил! Дисциплина духа, блин... Удержался бы я от соблазна?

Я вдруг захохотал: ну надо же, выбрал место для нравственных размышлений! Битый, мокрый, замерзший, да еще и пленник. Я ржал, икал, давился смехом. Мои охранники опешили, наверное, решили, что с катушек кувыркнулся. Переминались вокруг нерешительно. Потом не придумали ничего лучше, как добавить еще ведро воды на голову. Бр-р! Я кое-как отдышался, вытер ладонями лицо, а потом с великолепной наглостью, от которой сам обалдел, сказал:

– Мужики, ну будьте людьми – дайте финал посмотреть! Да не сбегу я, не сбегу, клянусь!

Конвоиры молча переглянулись. Им, видать, самим до смерти не хотелось волочь меня сейчас в дальний барак и пропустить окончание боев. Потоптались, почесались, да и махнули рукой:

– А, ладно, все равно тебя в элиту включают. Хорошо дрался, пацан, чуть-чуть не хватило. А то бы свалил мужика. Тот в последний момент вывернулся!

И повели меня обратно в зал, но уже украдкой. Я усмеялся: ну, надо же – в последний момент... Мой наставник все просчитал: похоже, мы показали красивый бой, и я попал в привилегированную категорию. Что же он предпримет

дальше?

На арене заканчивался очередной бой третьего круга. Потом должны остаться только двое. Для финала в четвертом круге. Сейчас в центре площадки волосатое чудище двухметрового роста сворачивало шею существу, похожему на гигантского богомола. Тот тоже в долгу не оставался, положив противника куда придется острыми костяными выростами вдоль лап. Ну прямо компьютерная игра в реале!

Но богомол явно сдавал. Движения конечностей стали беспорядочными и замедленными. Еще пара секунд, и он грязно-серой грудой осел на забрызганный кровью помост. Волосатик довольно взревел, потрясая поднятыми кулаками. Кто ж такой?

Я мучительно перебирал в памяти известные мне гуманоидные расы. На человека похож немного, еще немного – на большую собаку или льва, такой же лохматый. И не только голова и грива на шее, а все тело покрыто густыми, прекрасно смягчающими удар волосами. О, вспомнил – это кронк! Хищный, воинственный абориген планеты Варн'аха. И сильный, зараза, и быстрый. Куда как сильнее и быстрее человека. Но самое страшное – он умный. Неужели капитану с ним биться?

Должен остаться только один. Из каких глубин памяти всплыла эта фраза. Слышал? Читал? Только один. Остаться. На кону совсем не то, что видит эта беснующаяся толпа. На кону – три жизни. Этот человекообразный зверь шутить не

намерен. Вон, смотрит на Ийю и плотоядно облизывается, словно уже получил ее. Да ведь он в этом уверен! Ох, Риго, Риго...

Я боюсь. Я страшно боюсь. Не за себя. Я не хочу вас терять, дорогие мне люди! Что мне останется, если упадет на эту арену убитым тот, кого мне так хочется называть отцом, а позже – умрет, истерзанная мохнатыми лапами любимая девушка? Мне останется только прыгнуть на охранников, а там – застрелят или забьют, уже все равно... Не могу смотреть туда, где на дощатом помосте застыли друг против друга две фигуры: человеческая и полузвериная. Гонг! Я заставил себя поднять взгляд.

Кронк мягко, по-кошачьи заскользил кругом неподвижного Сантаны. Шажок, еще шажок... Выпад! Лапа со скрюченными в «драконьи когти» пальцами прошла в сантиметре от головы Риго. Но ведь, мне показалось, капитан едва шелохнулся. Человекозверь скользит дальше. Бросок! Лапа летит в сердце, сейчас пальцы-крюки вонзятся в плоть и вырвут ребра, но опять проходят совсем рядом! А Риго спокоен, отрешен. Статуя статуей.

Удар в живот! Легкий поворот, и снова кронк промазывает. Трибуны ревут, сходя с ума, мое сердце то частит, то замедляется. Противник капитана начинает злиться. Атака! Буквально веер ударов, но ни один не достигает цели, Риго легко смещается в стороны, блокирует, а потом вдруг выстреливает сжатыми в копые пальцами кронку в подмышечную впади-

ну. Ну, правильно. В отличие от людей, у кронков там голая кожа. Рев боли, волосатая лапа повисает как плоть. В нервное сплетение ему попало. Но вторая конечность чудом не рвет соперника поперек груди. Только Риго там уже нет – он сантиметрах в десяти левее. И снова укол железными пальцами, на этот раз пониже заостренного уха. Гуманоид качается и трясет головой. Но быстро приходит в себя и взрывается каскадом стремительных ударов. Уклониться от всех Риго не сможет!

Я очень бы хотел зажмуриться, но приказываю себе смотреть. Что творится на арене – неопишимо, просто невозможно отследить глазами. Так высока скорость, с которой противники обмениваются ударами и защищаются. Привыкнув к своему преимуществу над более медленными людьми, кронк в этот раз нарвался на достойного противника. Мощные лапы, оканчивающиеся, длинными прочными когтями, натыкаются на не менее крепкую защиту знаменитой «кольчуги».

Вот только надолго Сантаны не хватит. Он объяснял: все трансовые техники требуют колоссального количества сил. Потому Риго так экономен в движениях, а звероид, напротив, только усиливает натиск. И в азарте раскрывается. И... все. Два неуловимых движения, в глаза и в шею. Мохнатая туша, хрипя и пытаясь вздохнуть, медленно валится на пол и затихает. С перебитым горлом не живут...

Я вскочил. И не только я: мои охранники, люди кругом,

весь зал скандировал имя победителя. Риго неторопливо, словно нехотя, отвернулся от упавшего противника и пошел к ложе. Оттуда уже поднимался навстречу Глен, улыбаясь с показным добродушием. Мафиози повел руками, утихомиривая орущий и рукоплещущий зал и объявил о победе и награде.

Ийю расковали и пихнули к победителю. Я видел, как Гленов подручный заворковал капитану на ушко, на вид ну просто истекая сахарным сиропом. Риго кивал головой, что-то коротко отвечал, придерживая Ийку за запястье. Та, умница, стояла молча, ничем не выдавая, что нынешний супербоец – ее давний знакомый. «Высокие договаривающиеся стороны» вскоре пришли к соглашению, бандит добыл из складок одежды коммуникатор.

Звонок раздался в кармане у моего стража. Тот молча выслушал сообщение. А потом потащил меня к Глену.

Риго смерил меня взглядом, будто прицениваясь.

– Хороший мальчик. Как спарринг-партнер подойдет и как адъютант, – и усмехнулся уголком рта.

Окружение Глена и сам «крестный отец» гадко заржали. Один из ближников, похабно осклабясь, предостерег:

– Гляди в оба! Крысеныш кусается! Это его девчонка была...

– Я думаю, мы поладим. Я умею выбивать дурь. – Риго мимоходом скользнул взглядом по своему «призу». И продолжил, обращаясь к Глену:

– Я принимаю предложение!

Глен расцвел розаном:

– Замечательно встретить разумного человека! Жду Вас с Вашей, гм, подругой вечером. Отметим победу и наше приглашение! Теперь отдыхайте, дорогой, набирайтесь сил. Вы нам нужны бодрым и свежим! До встречи...

Мафиози с гогочущей свитой удалились, а Риго поймал за полу плаща отставшего от своих бандита.

– В порядок-то себя привести есть где? Ну, сауна, там, бассейн...

– Сделаем! – отловленный почтительно изогнулся.

Сауна была хороша! Особенно после перенесенного нами. Один минус – за стеной, в раздевалке дежурили трое «секьюрити» с оружием. Нас не оставляли одних. По городку сопровождали, и в доме, куда Глен приказал нас устроить, от шестерок было не протолкнуться. Спасибо, хоть в парную за нами не полезли. Ийка пошла отмокать в крошечном, выложенном голубой плиткой бассейне, а мы с Сантаной улеглись в парилке на полоч, голова к голове. Если и подслушивают эти типы, то вряд ли что разберут.

– Риго, нас не выпустят отсюда!

– Знаю, не дурней тебя. Для того и согласился остаться у них бойцом, чтобы бдительность снизили. Пусть думают,

польстился на выгодные условия залетный громила. Тут чем гаже покажешься, тем меньше к тебе подозрений. Вот, тебя вытребовал без усилий. Бонусом. Напрокат.

Я хихикнул, представив себя пылящимся в прокатном пункте, с чипом-биркой на ухе. А после спросил уже серьезно:

– Как станем выбираться?

– Сначала отдых, иначе вы никуда не будете годиться. Да и я, честно, тоже. А там придумаем. Пока мы в относительной безопасности.

Он со стоном вытянулся на деревянной лавке.

– Чертов кронк! Давно не приходилось биться с полной отдачей, мышцы надорвал. Ты, Алька, как? Сильно подрали?

– Ну, так... в пределах допустимого. Я в норме, главное – Ийку не покалечили.

– Я ее сам покалечу, когда выберемся! Катер бандитам завести не дала, так ведь и я сразу не смог. Уйму времени с ним провозился – а вас утащили черт-те куда! Пришлось импровизировать. Спрятал нашу посудину недалеко от поселка, в уютном местечке, ну и – бегом сюда. Очень удачно попал.

Я уже рассказал капитану о том, как нас поймали. И что Ийя мысленно заблокировала движки катера. Вообще-то, я ожидал грозы. Ну, как минимум, сурового «разбора полетов». Но он только усмехнулся жестко:

– А что вы хотели! Предупреждал же: друг друга из виду не выпускать. Тут, брат, не учебка, плохой балл не ставят.

Башку отрывают! Ладно, я должен был вас лучше натаскивать. Вернемся в Академию, устрою блиц-курс.

Вернемся в Академию... ох, как далеко сейчас моя привычная жизнь, друзья, занятия... Так далеко, что подернулись в сознании дымкой. Было? Не было? Грустно. Хм, а Риготто разговорился! Его опасность стимулирует, что ли? Как допинг? Я и спросил. Сдуру. И конечно – все испортил. Он нахмурился:

– Нашел время психологическими этюдами заниматься! Потом поговорим по душам. Все, хватит греться, марш на выход!

И устал я зверски, и банька расслабила тело, но внутри дрожало свернутой пружиной беспокойство. И рад бы уснуть, да не смог. Сантана с Ийей только головы до подушек донесли – и все, отключились. А я ворочался, возился... плюнул, встал. Подошел к узкому, забранному фигурной решеткой окну. Вот же... архитектура! Из такого окна отстреливаться хорошо, а не на мир глядеть. Хотя взглянуть как раз было на что.

Вчера осмотреться не удалось, и сейчас я заинтригованно обводил глазами поселение, залитое полуденным солнцем. Наш дом, наверное, принадлежал к элитным, он стоял выше, чем большинство зданий. Обзор шикарный. Красоты приро-

ды меня не занимали, а вот перемещения людей и катеров... Вон там, ниже примостилось широкое, приземистое сооружение, очень похожее на ангар. И машинки туда-сюда, подлетают-отлетают... Вот бы к тому домику сгонять! А меня так же хорошо сторожат, как остальных рабов? Или это на совести моего "владельца", и я более-менее свободен в передвижениях?

Осторожно, чтобы не разбудить спящих, я оделся и выскользнул за дверь. Навстречу мне тут же поднялся со скамьи молодой охранник, едва ли старше меня. Очередная шестерка Глена...

– Далеко намылился?

– Да вот, хотел посмотреть, где тут что. А то пошлет, например, хозяин за выпивкой, а я и не знаю, куда...

Я скорчил жалобную мину, и парень понимающе усмехнулся. Наверное, тема оказалась ему близка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.